

ЭДУАРД ВЕРКИН

Друг-апрель

Провинциальная трилогия

Эдуард Веркин

Друг-апрель

«ЭКСМО»

2010

Веркин Э. Н.

Друг-апрель / Э. Н. Веркин — «Эксмо»,
2010 — (Провинциальная трилогия)

ISBN 978-5-699-45207-1

Дядька Аксёна как-то рассказал ему о непреложных законах жизни, которые, что бы ты ни делал, не изменить. Один из них – первая любовь не бывает счастливой. С этим можно спорить, не соглашаться, но в конце концов придется смириться и все забыть: прогулки до дома со школы, драки с соперниками, их с Ульяной мир «на двоих», отвоеванный им у сверстников еще в детском саду, весну... Забыть и просто жить. Но Аксён так не может. Он ждет апреля, потому что в апреле Она вернется в их сонный город, и он попробует обмануть лживые правила взрослой жизни, попробует все исправить.

ISBN 978-5-699-45207-1

© Веркин Э. Н., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эдуард Веркин

Друг-апрель

Глава 1

Глаз моря.

Черный.

Белый камень – черный круг, так, чуть треугольный кружок. Найдешь глаз моря, обязательно к морю вернешься, так бывает, примета настоящая. А если глаз нашел, а на море не был, тогда что, наоборот? Море к тебе вернется? Кажется, тут было оно когда-то, в мезозойскую эру, на географии говорили... Море и динозавры. И сколопендры в пять метров, из песка морды свои задумчивые выставляли. Может, это глаз сколопендры. Сколопендра – это жук. Хорошо, наверное, быть жуком. Или лучше мышью. Спрятаться между бревнами в стене и жить. А еще лучше в летаргию впасть, но не в простую, а в редкую какую-нибудь, чтобы у трех человек в мире такая была, и все в Америке. Перевезли бы его в Америку, пролежал бы он там двадцать лет, а какие-нибудь благотворители на его счет деньги бы перечисляли. И через двадцать лет очухался (ну, пусть молния ударила), молодой, богатый и в Америке. Так даже лучше, чем мышью...

Аксён положил глаз на ржавые перила моста и стал вглядываться в зрачок доисторической ползучки. В миг смерти в глазу отпечатывается мир. Конечно, это не так, конечно, это вранье, но вдруг у сколопендры все по-другому? Вдруг в глазах ее все-таки отпечатывалось? Ну, в последнюю секунду? У каких-то там трилобитов был самый совершенный во всей эволюции глаз, ошибка, этот суперглаз мог вполне все и сфотографировать.

Не, ничего не видно. Сдохла сколопендра, глаз окаменел...

Дзиньк.

Аксён обернулся. Тюлька сидел на рельсе. В руке обрезок арматуры. Поднял обрезок, ударил в рельс.

Дзиньк. Неприятный такой звук, придушенный.

– Чего стучишь?

– Мостника зову, – ответил Тюлька. – Он уродский.

– На фиг нужен?

– Нельзя так переходить, надо зажор ему кинуть.

– Что кинуть?

– Зажор. Ну, чтобы не привязывался.

Тюлька показал из кармана печенье.

– Верка говорит, что без зажора нельзя, а то привяжется, – сказал Тюлька шепотом.

– Врет она.

– Ну, она вот про галок говорила – и это... Все так и было.

– Совпадение.

– Она говорит, что она в прабабушку. А прабабушка у нас колдунья была. А мостнику всегда надо что-нибудь кинуть. Зажор.

– А поезда тогда как? Тут же куча народу туда-сюда каждый день носится, они что, все должны кидать что-то?

Тюлька задумался. Аксён поставил ногу на рельс. Тихо.

– Рожа у него не треснет, у мостника вашего? Хорошо пристроился, волосатый...

Аксён хотел плюнуть в воду, но на всякий случай не стал.

– Поезда не считаются. А если пешком – совсем другое дело. Верка, когда на линии работала, всегда печенье кидала, меня тоже научила.

– Ты побольше ее слушай, она тебя еще не тому научит...

Аксён встал на рельс, подошел к Тюльке:

– Давай.

– Что?

– Печенье давай.

Тюлька опустил руки в карманы.

– Давай-давай.

Тюлька засунул руки поглубже. Аксён вздохнул и схватил его за ухо. Тюлька ойкнул, руки из кармана вытащил, Аксён ловко выудил печенье. Откусил половину, другую вернул брату.

– Я ему глаз дам, – пообещал Аксён. – Мостнику вашему.

– Какой еще глаз?

– Динозаврий. Я нашел тут. Окаменелый, конечно.

– Где? – заинтересовался Тюлька. – Где динозаврий?

Аксён указал пальцем.

– Там нет ничего.

Аксён вернулся к перилам. Глаза моря не было. Аксён свесился за решетку. Камень лежал на дне, смотрел уже оттуда.

– Это мостник. – Тюлька поднялся. – Я его палкой вызвал, вот он глаз твой и забрал.

Тюлька показал язык, то ли Аксёну, то ли мостнику, скатился с моста и принялся бродить по насыпи.

Аксён перебрался на восточный берег.

Это был тот самый мост. Там, под центральной опорой, она и лежала. Аксён почувствовал привычное желание – забраться до середины в речку и поискать. Опустить руки в воду, процедить гальку, вытащить серебро.

Он приходил под мост двадцать раз, может, тридцать, и каждый раз хотел ее достать.

И сейчас тоже хотел.

Аксён спустился к берегу. Попробовал. Холодная. Снег стаял недавно, разлива еще не было, вода ледяная и пока прозрачная, отдавать глаз моря мостнику не хотелось, обойдется, сыч шерстистый.

Аксён присел на кочку, расшнуровал ботинки. Попробовал воду еще раз, уже ногой.

– А что, тут вправду динозавры водились? – спросил с другого берега Тюлька.

– Ага. Они и сейчас водятся.

Но это Тюлька уже не услышал, рельсы провыли, с моста просыпался прах, шел благовещенский. Значит, полдень.

– Тюлька! – крикнул Аксён. – Тюлька, на дорогу не вылазь!

– Хорошо!

Аксён отвалился назад, так, чтобы затылком, черт с ним, с глазом.

Земля была прохладной, даже холодной, в голову начал вползать лед, Аксён ждал. Лед должен был пробраться глубоко, примерно до середины, когда вымораживалось до середины, тогда мысли пропадали начисто, проверено.

Сейчас не пропали. Никуда не делись, не растворились, это оттого, что уже близко... Зашумело, залязгало больше, чем надо, благовещенский лязгучий, из-за поворота показался состав. Аксён приподнялся, поглядел на насыпь, ну, чтобы Тюлька не лез, он, конечно, крысенок опытный, однако возраст дурной, в этом возрасте Аксён сам лез, куда умные не лезут.

Это был не благовещенский, а какой-то тупорылый, с грязными и пустыми угольными вагонами, товарняк, вот почему все так и лязгало. Аксён удивился, вообще товарняка сей-

час быть не должно, запустили вне расписания. Благовещенский или опаздывает, или время в голове сбилось.

Товарняк тащился через мост долго и уныло, не было ему обрыва. Аксён пытался считать вагоны, на двадцать третьем бросил. Состав гремел, распространившись из одного поворота до другого, уходил в пустоту, земля дрожала, и вода в речке тоже.

Как-то она читала стихи. Она вообще уважала стихи, как многие девчонки, он нет, но те стихи ему понравились. Все он не помнил, что-то про реку. Хорошо жить весной на берегу реки, жечь костры, ловить рыбу, наблюдать за плескающимися в камышах плезиозаврами, чувствовать, что за спиной нет ничего и никого.

Аксёну тогда показалось, что это сочинил человек, который прожил здесь. Потому что уж очень все было похоже, и мосты, и поезда, и реки. Вот и сейчас, когда товарняк перебирался через мост, вспомнилось. Стихи. И что за спиной пустота, тоже почудилось. И что мир существует только тут, вокруг. На восемьдесят километров к западу – там сползает к озеру древний Галич, и на сто с лишним к востоку – там тайга, проваливающиеся в землю деревни и синие сопки, низкорослые первенцы Урала. А дальше и нет ничего, все обрывается. В прошлом году Чугун унес телевизор и почти семь месяцев Аксён чувствовал себя как на острове.

Хорошо.

Товарняки Аксён не любил. Они были мертвее обычных, пустые, ему всегда представлялось, что эти поезда идут в никуда, что они просто болтаются по всей стране с неизвестными целями. Иногда ему казалось, что в этих поездах нет даже машинистов, а управляют они компьютерами или едут просто так, сами по себе. Он даже придумал целую историю и рассказал ее Тюльке. Про то, что есть простые товарные поезда, а есть особые, в номерах локомотивов которых присутствует шестерка. В этих поездах машинистами служат мертвецы, а перевозят эти поезда призраков.

История получилась полезной, Тюлька старался держаться от товарняков подальше. Однажды спросил: а зачем призраков перевозить? Аксён задумался, потом объяснил: если призраки долго живут в одном месте, то они начинают безобразничать, поэтому их отлавливают и переправляют в другую область. С воспитательными целями. Ну так вот в стране все и устроено.

Из поворота выскочил последний вагон, прогрохотал за мост и скрылся. Рельсы еще некоторое время шевелились, потом стало тихо, земля успокоилась, вода тоже. Показался Тюлька. Он спешил, оглядываясь на уже невидимый поезд, перебежал через мост, запнулся и скатился по насыпи. Поднялся.

Карманы у Тюльки оттягивались, а все остальное – и шея, и руки, наоборот, выставлялось. Аксён поморщился. Пальто обмалело совсем, стало похоже на куртку.

Оно еще в прошлом году обмалело. И в клетку еще, левый борт выцвел, получалось разноцветно. Тюлька сообщил издали:

– Сорок пять.

– Что сорок пять?

– Вагонов.

– И что?

– Ничего. Сорок пять вагонов призраков! Там, на паровозе, есть две шестерки. Куда их везут, интересно?

– В Приморье, – соврал Аксён. – Китайцев пугать. А то китайцы там всех лягушек съели. А от этого комары расплодились, пограничникам житья никакого нет, и ночью кусают, и днем. Вот и везут призраков. Ну, чтобы они шуганули китарезов...

– А если китайцы своих призраков туда запустят?

Аксён принялся натягивать ботинки.

– Ни один китайский призрак против нашего не устоит, – заверил он. – Наши призраки сам знаешь какие – голыми руками кого хочешь порвут, без лопаты. Так что не волнуйся, Тюлькан, восточная граница на замке.

– А я и не волнуюсь. Слушай, а это на самом деле правда, что тут динозавры водились?

– Ага. И водятся. Там, за городом, дыры в земле, слышал? Провалы?

Тюлька кивнул.

– Из этих провалов текут подземные реки. Они везде, кстати, есть, и все впадают в Северный Ледовитый океан. А некоторые реки даже за границу текут, ну и вообще, по всему миру. Есть даже такие специальные подземные подводные лодки, их опускают в шахты, и они по этим самым рекам могут куда угодно доплыть.

– Зачем? Зачем они нужны? – Тюлька с недоверием поглядел под ноги. – Можно ведь и поверху доплыть?

– Поверху могут перехватить, а под землей никак. И вообще такое оружие есть только у России.

– Это ты в «Телепате» прочитал?

– Во «Враге». Мы можем запустить бомбу, и она приплывет под землей прямо в Америку. И все! Пух!

Тюлька открыл рот. Аксён почувствовал вдохновение.

– Знаешь, какая самая большая тайна в нашей стране? Это карта подземных течений. Ее составил...

Аксён не смог сразу придумать, кто составил карту подземных рек, поэтому сказал просто:

– Гагарин.

– Сам Гагарин?! – удивился Тюлька.

– Ну да, – дальше врать было легко. – Все считают, что он разбился, но его на самом деле просто засекретили. И он стал одним из первых подземных космонавтов!

Про подземные подводные лодки и подземные карты Аксён узнал из газеты «Враг государства», месяц назад нашел на двадцать третьем столбе целую пачку, видимо, немые выкинули. Не продали и выкинули, они часто газеты выкидывают, журналы тоже, особенно в конце недели.

– Да, – согласился Тюлька и поежился. – Гагарин – это да... А я смотри что нашел!

И принялся выгребать из кармана окатыши. Белые, синие, даже, как показалось Аксёну, зеленые.

– Круглые какие! – Тюлька подышал на камень, погладил им щеку. – Гладкие!

Он лизнул окатыш, попробовал вкус, сообщил:

– Кислый.

– Зачем они тебе?

– Ну, так... – Тюлька разглядывал камни. – Сделаю чего... Пирамиду.

– Зачем тебе пирамида?

– Не знаю пока... Громоотвод в нее вставлю...

Аксён кивнул.

– Это правильно, – сказал он. – Громоотвод. А провод под половицами к раскладушке Чугуна. В первую грозу его и уделает.

Тюлька одобрительно хихикнул.

– А какое число? – спросил он.

– Сороковое.

– Да ну, не сороковое. Таких не бывает ведь.

– Бывают, – равнодушно возразил Аксён. – В календаре майя бывают.

– А это в «Светлой Силе» прочитал?

– Не... «Нэйшнл Джоиграфик» нашел. Позавчера.

– Ты же позавчера дома валялся весь день...

– Да... – Аксён сделал вид, что не услышал. – У майя в месяце пятьдесят дней. И они считали, что в две тысячи двенадцатом наступит конец света.

– Скоро уже... «Механики» не было?

– Кто ж «Механику» выкинет?

Тюлька кивнул.

– Пойдем домой, Тюлькан, вечер скоро.

– Так какое число все-таки, а?

– Скоро уже. Дня два. Может, неделя. Недолго. Давай домой.

Тюлька поморщился, домой ему не хотелось.

– Может, в шалаш пойдем? – предложил он. – Тут ведь недалеко...

– Рано еще. Ночи холодные, а там на земле спать. Да и крыша слезла. Почки застудим. Лучше домой. В мае можно будет уже в шалаш.

– Верка точно пьяная... – сказал Тюлька. – Опять драться станет...

– Не станет. Спит уже давно. Пойдем.

Возвращались по рельсам. Два раза спускались под насыпь: один раз уступили дорогу запаздывающему читинскому, два раза – бензовозам. Потом Тюльке показался майский жук, и он принялся носиться по лесу, стараясь жука поймать, никого, само собой, не поймал, царапался об острый сук.

Примерно на полпути остановились – Тюлька застучал зубами. Аксён думал, что это он специально – домой не хочет идти, тянет, но Тюлька имел вид вполне синюхайский, даже уши подзавернулись. Так что пришлось зайти в лес и сложить тепленку. От огня Тюлька, конечно же, уснул, и разбудить его не получалось долго: Аксён щекотал брата за пятки, оттягивал ему веки и громко кричал в ухо, но Тюлька спал крепко.

Прогрохотал «Байкал», Аксёну надоело ждать, он взял Тюльку за подбородок и больно щелкнул по носу.

Глава 2

И почти сразу началась война.

Все были снежинками. Принцессами, золушками и кошками. А она стрекозой. Такие большие зеленые глаза, сделанные из донышек пластиковых бутылок, крылья из оргстекла – самая лучшая в мире стрекоза.

Все были разными. Бэтменами, и монстрами, и казаками, и инопланетянами, кое-кто даже волком с древней потрескавшейся мордой. А он был просто в джинсах и черной футболке.

Она выбрала его, и они просидели два часа на подоконнике, ели мандарины, ириски и невкусный кислый зефир. А потом он сорвал с елки зеленую избушку и подарил ей. Самую красивую избушку самой красивой девочке.

Это не осталось незамеченным, на следующий день воспитательница поставила его в угол «до обеда». «До обеда» превратилось в «до ужина», он не хотел признаваться в краже избушки и стоял между диваном и шкафом до забора, до того, как за ним пришли.

На следующий день его называли вором, и он подрался первый раз в жизни. Мальчика звали Игорь, он разбил Игорю нос. Они оба стояли в углу, вернее, в углах, рядом с окном, он по левую, Игорь по правую сторону. У Игоря то и дело начинала бежать носом кровь, и он легкомысленно вытирал ее о тюлевую штору. Когда это выяснилось, Игорю задали, а потом явился Игорев отец и задал еще сильнее, так что Игорь потом не мог спокойно сидеть. А зеленая избушка разбилась через два дня, она принесла осколки в банке. Иван измельчил их молотком, вырезал домик из дерева и оклеил его толченой зеленью. Получилось даже лучше, чем настоящая.

А она его поцеловала в щеку, это было в первый раз.

И это не осталось незамеченным.

Глупые, они попытались его дразнить. Женихом.

А ее невестой. Ну, и еще «тили-тили-тесто», это само собой.

Зуев, Кареев, Золотарев, он запомнил фамилии. Они смеялись, дразнили его девчонкой, а ее довели до слез. Он сидел на крайнем стульчике и смотрел в пол. И думал. Он запомнил, о чем он тогда думал.

О птицах. О том, что хорошо бы иметь попугая. Во-первых, они умеют говорить, во-вторых, они красивые. А в-третьих, они умные, не все, конечно, но попадаются. Некоторые даже в шашки играть умеют. Или на яйцах кататься.

Он думал о птицах до обеда.

Потом они сидели рядом и ели куриный суп. Она ела, а он смотрел, глаза у нее были заплаканные и мутные. Тихий час начался как обычно, и он даже поспал, немного, минут пятнадцать-двадцать. Проснулся, когда воспитательница ушла.

Начал с Зуева. Зуев спал в обнимку с осликом. То ли Иа, то ли другой сказочный осел, довольно большой и тяжелый.

Он разбудил Зуева и стал бить его ослом. Вряд ли это было как-то особенно больно, скорее страшно. Зуев только всхлипывал, а под конец описался. Тогда Иван перешел к Карееву.

Кареев был крупным, раза в два крупнее и Зуева, и его самого. Он проснулся с первого удара, обхватил и принялся душить. За шею. Больно. Но он не сдавался. Кареев душил, а он бил. Лупил кулаками в пузо, а затем в лицо. Много, изо всех сил.

И Кареев сдуся. Отпустил и заплакал.

Иван стукнул его еще несколько раз. Чтобы Кареев запомнил. Да и самому хотелось запомнить. Ощущение силы.

Золотарев проснулся сам и спрятался в туалете, добыть его оттуда не получилось. Иван врубался с разбегу в дверь, плечом, девочки визжали, еще немного, и она бы поддалась, но тут явилась воспитательница.

С тех пор он дрался часто.

Драться было легко. Иван не понимал, почему это не получается у других. Он всегда побеждал. Уже в старшей группе детсада он знал, как можно побить третьеклассника. Достаточно немного разбежаться и хорошенько толкнуть противника в грудь. Обычно враг был выше на голову, сила прикладывалась удачно, и третьеклассник, а иногда даже и пятиклассник валялся, взбрыкивая в воздухе ногами.

Иван быстро осознал действенность приема и часто отрабатывал его дома – толкал стену. Или деревья в лесу. Лучше всего толкались сосны, сила толчка измерялась шишками, если случалось от трех шишек и выше, значит, толчок получался удачный.

В садике с ним никто уже не связывался. Сначала не хотели драться, затем не хотели играть, а потом и просто разговаривать. Воспитательница постукивала пальцем по виску и рекомендовала сводить его к специалисту по профилю, но свидание с психологом не состоялось – в городе психологов не водилось отродясь, а везти его в Кострому мать не собиралась.

И тогда кто-то, подслушав разговор воспитателей, первый раз назвал его Психозом, и это прижилось надолго, так его называли даже в школе. Тогда ему даже нравилось, ну, что его боятся, ведь он побил всех, кто был выше его в группе, а затем тех, кто был одного с ним роста.

Конечно же, она с ним дружила.

Мать работала медсестрой в поликлинике, они приезжали в город на утреннем поезде, и она отводила его в сад. Семь утра, сад не работал, и он ждал во дворе. Обычно сидел на крыше фанерной машины, иногда влезал на дерево. Ее приводили тоже рано, они надолго оставались вдвоем, это было лучшее время.

Забирались в машину, и он вез ее в Кострому, в Москву и иногда даже в Америку. И лодка, на ней вполне можно было сгонять в Бразилию, только по правому борту выломаны две доски, и он сильно сомневался, что этот дредноут не дреданется на первой же тысяче миль, поэтому на лодке они ходили только по Волге. Ну, иногда еще заглядывали в Каспийское море.

В восемь начинался рабочий день – завтрак, обед, полдник, ужин, тихий час, музыкальный час, физкультурный час, посторонние.

Они все были посторонними. И только мешали. Всегда, с утра и до вечера. Впрочем, последние два года в саду они уже знали, как себя вести, он их отдрессировал. И ребят, и взрослых.

Мальчики спали по правой стене, девочки по левой, под стеной со старым ковром – олени, медведи, зайцы.

Мальчиков было больше, и вдоль правой стены часто не хватало мест, и тогда какого-нибудь мальчика переселяли к девочкам, и это считалось позором. Мальчика все начинали дразнить почему-то Дусей и доводили до истерики, так что приходилось вмешиваться воспитательнице и направо-налево наводить порядок с помощью скакалки. А ему требовалось просто находиться рядом, поэтому он поступил просто – взял раскладушку Лобина с грузовичком и перетащил на девчачью сторону, ее же раскладушку с малинкой перетащил на мальчишечью. Лобин был новеньким и полез драться, поскольку не хотел быть Дусей, но зря полез, в вопросе спанья Иван проявил свое обычное упорство. Он поколотил Лобина, затолкал его в раскладушку и велел молчать и не портить людям настроение.

Тихий час начался, воспитательница с удивлением поглядела на заревавшего Лобина, но Иван пояснил, что тот поменялся совершенно добровольно, из высоких побуждений.

На следующий день, само собой, явились возмущенные лобинские родители и устроили скандал. Мать Ивана находилась уже на смене, и скандал пролетел в основном над головой самого Ивана и над головой воспитательницы.

Он не расстроился совершенно, два часа в углу его не удручили, все два часа он усердно тренировал лоб, слегка постукивая им по стене. Другие дети наблюдали за этим с ужасом.

Во время тихого часа Иван повторил вчерашний маневр и простоял в углу вторую половину дня.

Родители Лобина возмутились уже по-настоящему. Вздвоедольствовались и другие взрослые, они грозили жалобами и давили на воспитательницу: он стоял в углу уже часами, от завтрака до обеда, от обеда до ужина, но все равно на тихий час перетаскивал ее раскладушку к себе, а Лобина превращал в Дусю.

Он победил. Простояв в углу пять часов, он грохнулся в обморок и углом ящика для игрушек рассек щеку, от челюсти до уха. Врач из «Скорой помощи» накладывала швы, воспитательница глотала валерьянку, прибежавшей в ужас заведующей он с улыбкой сказал, что случайно поскользнулся.

Он победил. Воспитательница плюнула и поставила их раскладушки рядом, отдельно от всех остальных, рядом с аквариумом. Это было здорово – и она, и аквариум, столько всего сразу, – ведь уснуть у него не получалось никогда. Он охранял ее сон и наблюдал за задумчивыми вуалехвостами, а когда воспитательница засыпала за своим столом, доставал спичечный коробок и кормил рыб сушеными червями. Он вообще любил тихий час.

Идея отделения пришла к нему по вкусу.

Он отделил три стула – один для себя, один для нее, третий для игрушек и вообще про запас. И объявил, что подходить ближе чем на два метра не рекомендует никому.

Не подходили.

После стульев он отделил стол. Самый, разумеется, лучший, возле окна, с видом на дорогу. Столов в садике тоже не хватало, однако другие предпочли сидеть за одним столом вчетвером, связываться с Психозом не хотелось.

Руководство сада вступать в новую войну также не собиралось. Более того, ему позволили самостоятельно ходить на кухню и выбирать порции. Это тоже было удобно – себе он всегда выбирал поменьше, потому что есть не любил, ей же доставалось все самое лучшее. Если запеканка, то не подгорелая, если рыба, то не хвост, если пюре, то со дна кастрюли.

Она была довольна.

Постепенно вокруг них образовался круг отчуждения, мальчики не играли с ней, опасаясь Психоза, а девочки считали, что могут тоже попасть под его покровительство и заболеть психически. Хотя некоторые девчонки и завидовали – у нее был настоящий рыцарь, отвоевавший пространство, покоровивший взрослых, способный за один косой взгляд поколотить любого, доедавший противные сырники и даже ужасную пенку с какао.

В их круг пытались проникнуть. У мальчишек хватало ума не переступать опасных границ, девочки же иногда попытки предпринимали. К таким попыткам он был равнодушен. Он вообще не замечал девчонок, считал их пустотой и дурами, когда они спрашивали у него что-то, он отвечал редко, невпопад или вообще смеялся. Или отворачивался. Обычно девочки отходили сразу, если же кто-то упорствовал, то в дело вступала она. Нет, она не царапалась и не таскала соперниц за волосы, она просто смотрела.

Девчонки пугались.

Мать частенько оставалась на вторую смену и забирать его не могла. Тогда они шли к Ульяне. Мать договаривалась с ее родителями, те были только «за», поскольку работали тоже помногу и не хотели, чтобы дочка сидела одна.

Нет, можно было дожидаться у бабушки, но у бабушки Ивану не нравилось. Потому что бабушка была почти слепая и все время заставляла его читать вслух журнал «Здоровье», самый скучный журнал на свете.

Они добирались до дома и пили чай из термоса. Обычно с оладьями. Иногда с самодельными ирисками. Смотрели мультики. А еще у нее имелись настольные игры – целый сборник, в них тоже играли.

Вечером, уже в темноте, за ним заходила из поликлиники мать. От матери пахло лекарствами, как положено, она разговаривала с ее родителями, и они все вместе смеялись – жених и невеста растут. А потом они брели на вокзал и садились на пригородный и домой возвращались уже почти в десять. Мать начинала ругаться со старшим братом. Из-за оценок, из-за поведения в школе, из-за того, что он слопал гороховый суп и ничего не оставил, и кастрюлю даже не помыл, она надрывается весь день, и теперь ей снова надрываться – греть воду, мыть посуду, готовить что-то на завтра...

Он уходил на крыльцо. Брал в коридоре старую фуфайку, в нее можно было завернуться почти целиком, сидел, слушал поезда, ночью их было больше, чем днем, и звучали они совсем по-другому, лучше. Ждал утра и ненавидел приближающиеся выходные.

Жених и невеста.

Глава 3

Двадцать четвертое. Три недели назад Аксён повесил на стену календарь так, чтобы при просыпании видеть сколько. Специально повесил заранее, а то Чугун догадался бы, стал бы, болван, дразнить. Календарь – это удобно, просыпаешься и видишь все сразу.

Двадцать четвертое. Хорошее число, подумал Аксён. Если два умножить на само себя, то получится четыре, наверное, это добрый знак.

Добрый. Четыре дня назад отправились с Тюлькой за банками. Погода хорошая, теплая, во многих поездах окна уже открыли, народ в них банки швыряет, бутылки, другое добро. Правда, летом больше швыряют, но и сейчас ничего, если в день сделать километров двадцать, то можно рублей на сто пятьдесят набрать. Тюлька хорошо банки ищет, прямо как свинья трюфели. Столбов тридцать уже прошагали вдоль дороги, и тут журнал. Обложка оторвана, судя по графикам и обилию умных мужиков в пиджаках, что-то из области как правильно сэкономить свои миллионы. Видно название первой статьи.

«Побеждает тот, кто умеет ждать».

Такими крупными жирными буквами. И еще рассказано, что терпение – одна из самых главных и полезных добродетелей: кто ждет, тот дождется.

Разве не знак?

Абсолютный. Аксён улыбнулся.

Или вот. Ульянка любила всякое фэнтези. Про колдунов, драконов, ну и прочих других волколаков. А вчера он отправился в крыловский ларек за лапшой, вышел на перрон, навстречу мужик. Такой полубомжик. И как прицепится – парень, купи книжки, парень, купи книжки, первый раз такой тут встретился. Ну, и от нечего делать посмотрел. И все книжки как одна про колдунов. И про драконов.

Тоже это, наверное, знак.

Или голос. Смех, вернее. Опять же вчера. Вздумалось покурить. Но не дома, не хотелось делиться с Чугуном и не хотелось, чтобы Тюлька видел. Отправился в лес, метров на сто, там такое удобное местечко, пенёк старый, как кресло, сидеть приятно.

Устроился поудобнее, задымил, никакого, между прочим, удовольствия, и вдруг смех. Не просто смех, а точно такой же, совершенно одинаковый.

Аксён дернулся, обернулся, вскочил. Нет никого. Деревья стоят. Послышалось.

Послышалось, а все знак, сомнения никакого, так только Улька смеялась.

Приедет. Через день-другой.

И Тюлька. Тюлька тоже. Принялся разгребать свои запасы. Вытащил из-под койки чемодан, и коробку, и даже старый таз, все заполнено игрушками. И из шкафа половину выгреб. Перебирает, ремонтирует, производит генеральную ревизию, короче.

Нет, Тюлька, конечно, не знак, Тюлька в курсе, что Семиволковы скоро приедут. Но все равно. Птички чувят приближение весны и заранее начинают петь громче.

Двадцать четвертое.

Аксён думал полежать еще немного в постели, помечтать, подумать, но не получилось. На кухне жестяно грохнуло, и начался скандал. Как-то неожиданно, безо всяких переходов, как лавина.

Сначала мать.

Мать орала, что ей и своих дармоедов хватает, еще одного ей не потянуть, что, скорее всего, эта плешивая сволочь что-нибудь натворила и теперь ей просто нужна лежка, что в прошлый визит он спер у нее сережки...

Затем Чугун. Он тоже орал, но не бешено, а как-то спокойно.

Чугун не особо возражал, но говорил, что, во-первых, отвертеться не было никакой возможности, а во-вторых, он может быть полезен в плане трудоустройства, поскольку в последнее время сам обретаётся в Москве, а ему, Чугуну, уже здесь надоело, пора двигать туда, где реальные бабки, он уже не маленький – банки вдоль дороги собирать.

Мать возражала. Что если Чугун рассчитывает на него, то сильно заблуждается, что в лучшем случае он может пристроить торговать в подземном переходе краденными телефонами, но такого лучшего случая наверняка не случится, а случится банальный стоп на улице, в результате которого Чугун получит полновесный восьмерик... И так далее.

Чугун злился и кричал, что лучше он будет торговать краденными телефонами в переходе, чем подыхать здесь, на этом вонючем полустанке...

И мать орала что-то уже совсем неразборчивое.

Аксён прислушался и понял, что приезжает дядя Гиляй. Он еще вчера утром позвонил Чугуну и сообщил, что будет ночью, с костромичом.

Мать этому обстоятельству совсем не радовалась и выражала надежду, что если дядя Гиляй так пока и не появился, то, дай бог, он не только сошел с костромича, но потом еще и попал под него. И желательно, чтобы насмерть.

А потом мать неожиданно замолчала, точно ежика проглотила. И Чугун тоже замолчал.

Аксён не очень хорошо помнил дядю Гиляя. Нет, он знал, что где-то там, в Клопосранске, или в Пердищеве, или в Тупорыловке, живет себе дядя Гиляй, то ли родной, то ли двоюродный брат отца, человек ловкий и умелый во многих областях, тертый жизнью и понимающий в ней. Этаким жизнепроходец и жизнеальпинист. Ему даже казалось, что он немного помнил дядю Гиляя, когда-то давно кто-то подарил ему гигантскую шоколадку с орехами и изюмом, возможно, это был Гиляй.

Только тогда он казался выше.

Сейчас же дядя Гиляй явно стоптался. Ростом с самого Аксёна, в коричневой кожаной куртке, штопаной, с разноцветными заплатками, одна даже зеленая. На голове трехполосая шапочка, из рукава на цепочке свисает желтоватый череп. Маленький. Настоящий. Наверное, барсук, енотовидная собака. Или кролик-гигант.

Дядя стоял в дверях и разглядывал. То его, то Тюльку, поворачивал со скрипом голову.

Аксён хотел поздороваться, но Гиляй приложил палец к губам и исчез.

На кухне опять железно грохнуло, послышалось что-то вроде всхлипывания, а Чугун радостно сказал:

– А мы тебя еще вчера ждали!

А дядя Гиляй ответил:

– Да я чуть под поезд не попал, еле увернулся.

И все рассмеялись.

Дядя Гиляй объявил, что он каждому привез по подарку, но это после, сначала чай.

Началась суета, Чугун радостно трындел про то, что он собирается вскоре круто устроиться на лесопилку и тырить доски, мать просто похохатывала, а дядя Гиляй рассказывал про то, как в районе Ярославля два лошагера пытались развести его на бабки, а в итоге он сам их развел.

Аксёну не хотелось это слушать, ему хотелось подумать немного про двадцать четвертое число, он натянул на голову одеяло и прикрылся подушками. Но как он ни старался, все это непонятное ликование из окружающего пространства упорно просачивалось в мозг. Тогда он решил и вовсе с этим не бороться, поднялся и отправился пить чай.

Обычно чай в их доме вместе не пили. Да и не вместе его пили достаточно редко, и каждый в своем углу. Мать в зале, Чугун в своей комнате, Аксён в своей, а Тюлька вообще никогда не пил, слишком горячее ему было нельзя – кожа во рту сразу начинала облезать. Но в честь приезда дяди Гиляя сделали исключение. Устроились за столом, мать достала из закро-

мов овсяное печенье и желейные конфеты. Чай был сварен, и не просто так, а в фамильном самоваре с двумя Георгиями на борту, по-праздничному.

Дядя расчувствовался и произнес речь, в которой отметил, что в наше трудное время главное – это семья. Семья – это опора всему, об этом даже президент говорил. И недаром правительство объявило этот год годом семьи, в правительстве не дураки сидят, они видят вдаль, знают, как надо, если пальцы врозь, их любой дурак ломает, а коли в кулак, то берегись.

– Надо держаться друг за друга. Пока мы едины, мы непобедимы, камарадос.

Так сказал дядя, после чего отставил в сторону непечатую пиалу и заявил, что чай – это хорошо, но шашлыки лучше. Во всех приличных домах принято веселиться с шашлыками, или, как сейчас принято говорить, с барбекю. Лично он так всегда делает, и, зная, что сейчас семья в затруднительном положении, он запас это самое барбекю, вон, гавкает в той черной сумке.

Ну, про «гавкает» дядя Гиляй не сказал, про «гавкает» Аксён сам подумал. Поскольку дядя был совершенно не похож на человека, который запасается мясом законным способом, – он или спер где-то поросенка, или на самом деле намечался праздник корейской кухни.

– Прошу! – Дядя сделал приглашающий жест в сторону улицы. – Как говорят господа национал-социалисты, *eine kleine familische Feiertag!*

С немецким у Аксёна было все в порядке, про маленький семейный праздник он понял.

Дважды приглашать не потребовалось, все отправились на двор. Чугун принялся немедленно разводить костер, Тюлька вертелся возле дядиной черной сумки с шашлычными припасами, мать чистила лук, а сам дядя наблюдал за всеми этими приготовлениями с благосклонностью, курил трубку, вертел на пальце череп енота и походил на английского аристократа.

Аксён прекрасно знал, чем обычно заканчивались семейные праздники, никакого разнообразия тут не допускалось. Вообще это было бы весело – посмотреть, как все они друг друга пытаются убить, но сегодня настроение не улыбалось, *eine kleine familische Feiertag* обещал, если судить по чрезмерному энтузиазму Чугуна, быть кровопролитным. Особенно.

Поэтому он сделал вид. Ну, что тоже суетится, что тоже радостно возбужден, сам же вышел на задний двор и свалил. Думал, сразу на железку, потом решил заглянуть к Семиволковым. Ну, мимо просто пройти, без всяких там.

Дом стоял заколоченным. Как полагается – когда людей нет, окна заколачивают, а то они от тоски вываливаются. Немного постоял, посмотрел на следы. Тоже ничего, трава прошлогодняя. Иногда дядя Федор приезжал раньше, чем остальные, на день или два, подготавливал тут все.

Сейчас его не было. Хотя еще утро, они могут позже приехать, у них же машина. Можно, конечно, внутрь залезть и там подождать, он знал, где ключ...

Но ведь они могли и завтра приехать. Или вдруг даже послезавтра. Хотя погода отличная, снег слил, все просохло, комаров нет, чего до послезавтра-то тянуть?

Аксён поправил вывалившуюся штaketину и направился к станции.

Навстречу попала Руколова с пустыми ведрами. Аксён подумал, что она всегда почему-то так, никогда с полными. Это оттого, что она с Чугуном водится, пустота заразна.

Руколова шагала с отрешенным лицом и выглядела гофрированное, чем обычно.

– Как там брательник? – осведомилась.

– Сдох, – ответил Аксён.

– А, хорошо... К вам что, родственник приехал?

– Уродственник.

– Понятно... Гулять будете?

С завистью так спросила.

– Уже гуляем. Тебя, кстати, все ждут, говорят: что же Руколова не идет, мы ее так ждем, так ждем...

– Да? – Руколова засветилась счастьем. И сразу скисла. – Не, не могу сегодня.

– Многое теряешь.

– Ладно... А ты что, невесту ждешь?

Руколова кивнула на дом Семиволковых.

– А ты что, завидуешь? – огрызнулся Аксён.

Руколова попыталась стукнуть его ведром, не попала.

На станции не было никого. В смысле пассажиров. Крылова сидела на опрокинутой урне рядом с киоском, курила. Над рельсами летел ветер. На восток.

– Как торговля? – спросил из вежливости Аксён.

Крылова стряхнула пепел.

Аксён сочувственно кивнул. Какая торговля, когда на разъезде восемнадцать человек живет. Продукты в городе покупают, а у Крыловой только пиво, сигареты, шоколадки. Иногда из хабаровского кто выскочит, но это редко.

– Скоро в Монако подамся, – сообщила Крылова. – Как все.

– Там и так народу много...

– А что делать? Тут-то вообще... Слушай, Иван, а давай ты торговать будешь?

Аксён не понял.

– Раками. – Крылова поднялась с урны. – А что? Я тут ручей знаю, там раков полно. Ты будешь ловить, я буду варить, бизнес разведем.

Аксён зевнул. Идея, в общем-то, неплохая. Все равно делать нечего. А раками торговать нормально, никто вроде не продает их. И пивом еще.

– Я подумаю, – сказал он. – Только потом, в апреле уже.

– Семиволковых ждешь? – спросила Крылова.

Он хотел ее послать. А что, лезет в чужое дело, а еще раками хочет вместе торговать!

– Я тоже жду, – опередила его Крылова. – Мне Федор обещал насос наладить, у нас ведь, сам знаешь, мужиков нет.

– Знаю.

– И Чугуну своему скажи, чтобы скамейку вернул.

– Какую скамейку?

– Чугунную. Вот тут. – Крылова ткнула пяткой в землю. – Вот тут была скамейка – он ее сдал.

– В лом?

– Ага. Если две тысячи мне не вернет – пойду к Савельеву. Так ему и скажи.

– Скажу.

Показался поезд. И снова вне расписания. Крылова предположила, что бензин везут – слишком уж рельсы корчились – тяжелый. Но это был не бензовоз. Танки. Целый эшелон танков. Новеньких, блестящих, только что с завода. На запад.

Сбоку выскочил Тюлька и принялся громко считать танки, на двадцатом сбился.

– А вчера ракеты везли, – сообщила Крылова, когда эшелон скрылся. – Война, что ли, собирается... Тебе чего, Славик?

– Пива велели, – Тюлька протянул сетку и, обращаясь уже к Аксёну, весело добавил: – Жрут уже. Чугун «КамАЗом» хвастается.

«КамАЗом» Чугун обычно хвастался в самом начале. В средней стадии похвалялся, как он рвал всех в Гудермесе, на финишной прямой следовал рассказ про то, как он бухал в Кинешме с губернатором и перебухал его с большим преимуществом.

– И этих еще просили... – Тюлька передал Крыловой авоську, – ...анчоусов...

– Нет у меня анчоусов! – разозлилась почему-то Крылова. – А пиво малолетним нельзя продавать!

– Да продай ты ему, тетя Таня, а то его Чугун поколотит, – сказал Аксён.

Крылова принялась отсчитывать бутылки и ругаться, у Аксёна заболела голова, он прикинул, куда, и отправился на запад. Решил прогуляться немного, часиков восемь. Четыре в одну сторону, четыре в другую, вдоль и против ветра. Так время пройдет гораздо быстрее, через восемь часов он вернется, и, может быть, они уже приедут. Даже, скорее всего, именно сегодня, двадцать четвертого числа, они и должны приехать! Дядя Гиляй сегодня приехал, а события все время идут стаями, почему бы и Семиволковым не приехать?

Запросто. Они всегда приезжали неожиданно... Хотя нет, раньше он всегда знал день. Да ему и не надо было особо ждать приезда, он и так почти каждый день с ней встречался в городе. А сейчас...

По-другому все получилось.

Он шагал на запад между магистралями. Мимо летели составы, иногда он попадал между двумя сразу, это было забавно – стоять между грохочущими стенами.

И страшно чуть, совсем немного.

За четыре часа он сделал шестнадцать километров, определил по столбу. До Москвы было пятьсот восемьдесят один, он спустился с насыпи в лес и два часа сидел, глядя на поезда, потом отправился домой.

Вернулся около шести, в четыре часа не уложился, устал, спина разболелась. Хотелось забраться в ванну. Аксён всегда хотел поваляться в ванне, как в кино, чтобы – с фиолетовой пеной, с прозрачными шариками, с солью. Только не получалось никак, в Ломах ванны ни у кого не было.

Ну, или в крапиву ноги. Только и крапивы сейчас не сыщешь, весна...

На перроне возле ларька сидел уже один Тюлька. На той же самой урне перевернутой. Спал, слюна по подбородку. Рядом стоял однорукий робот, из Петькиных игрушек. К роботу была привязана тележка с гайками, видимо, Тюлька определял, сколько в работе лошадиных сил. Проверял, утомился, уснул.

Аксён сел рядом. Киоск был уже закрыт, Крылова отправилась смотреть телевизор.

Аксён ткнул Тюльку локтем.

– Чего?! – дернулся тот.

Свалился с урны, урна толкнула работа, тот завелся, поволок телегу с гайками в сторону Новосибирска.

– Как там? – спросил Аксён.

– Не приехали...

– Я не про Волковых.

– А, у нас, что ли?

Аксён кивнул.

– Совсем нажрались, – зевнул Тюлька. – Как Чугун взялся за табуретку, так я уже и удрал. Тут хорошо. Слушай, Аксён, давай все-таки шалаш починим, а?

– Починим... Потом...

Двадцать четвертое оказалось пустым. Из-за дяди. Он выбрал лимит приездов. Мог бы приехать завтра или – еще лучше – никогда не приезжать, а он сегодня приперся. И все испортил.

– Ладно, Тюлькан, поднимайся. Домой двинем, жрать охота.

– Я не пойду. – Тюлька снова устроился на урне. – Еще часа три надо подождать, потом можно уже. Ты иди, а я потом уже...

– Как знаешь. Робота лови.

И Аксён двинул домой.

Во дворе разворачивался пикник. Вернее, уже сворачивался. Костер прогорел, тела располагались вокруг, в покрышках. Мать спала, в последнее время она часто спала. Дядя курил сигару. Чугун пребывал в полуживом состоянии, в последнее время он часто в нем пребывал.

– Ты где шлялся? – промычала очнувшаяся мать.

Аксён не ответил.

Мать рассмеялась.

– Это точно, – очнулся теперь уже Чугун. – Правильно мама подумала. Ждал свою дуру... Ромуальд наш, Ромуальд... Мама, твой сын верит в любовь...

Чугун забулькал.

– Любовь – это прекрасное... чувство, – с трудом заметил дядя Гиляй. – Кто не любил, тот это... не жил, короче... и не дышал... помаленьку... Как сказал великий Петрарка... ты, как змея, в мой душ вползла украдкой...

– Короче, дело к ночи. – Чугун выбрался из покрыва. – Я что-то устал немного, давайте потанцуем...

Включил музыку.

Шансон. Самый растрешенный. И принялся плясать. Извиваться то есть. Паскудно так, будто из Чугуна вытащили большую часть костей, одна дрянь осталась. И даже подвывал что-то там. Про любовь, какой она должна была быть в его понимании.

Мать механически хлопала в ладоши.

Дядя не вытерпел и с трудом возвысился над догорающим костром.

– Высвисте... Выключите это. – Он повелевающее указал на магнитола. – Это невыносимо, право, как в бабочкарии...

– Те че, реальный музон не нравится? – насторожился Чугун.

– Ну что ты, Кеша, нравится... Так нравится, что это... Я просто к тому, что настоящие люди... это не слушают...

– А кто же это слушает?

Лицо у Чугуна приобрело капризное выражение.

– Ну, – поморщился дядя Гиляй, – шоферня всякая... Впрочем, если тебе так уж хочется...

Чугун выключил музыку.

Аксёну хотелось спать. Но, судя по всему, намечалась драка, а Аксёну хотелось посмотреть, на что дядя Гиляй способен. Да и вообще, это было бы весело. А вдруг дядя Гиляй крут? Отправит Чугуна в больницу на пару месяцев, дышать станет легче. Вот-вот она придет, а тут Чугун...

Лучше без него.

– Тебе... Иннокентий... лучше вообще... воздержаться... – посоветовал дядя Гиляй.

Чугун хихикнул и деловито стал шарить по карманам и чего-то бурчать под нос.

Началось, понял Аксён, и на всякий случай отодвинулся подальше.

– Я тебя сейчас воздержу... – Чугун бычьим взглядом, поднял пустую бутылку, хлопнул ее о башку.

Впечатление хотел произвести, розочку сделать, не получилось, голова от пьянки распухла, стала мягкой, и бутылка не раскололась.

– Не, Чугун, в десантуру тебя не возьмут, – прокомментировал Аксён. – Такие с пиндо-сами не справятся! Гонишь ты про Гудермес!

Тюлька обидно засмеялся. Аксён оглянулся. Младший не удержался, заявился домой, сидел теперь в обнимку с покрывом, наблюдал. Глаза сверкали.

– Заткнись, дристан! – Чугун разделал бутылку о мангал и принялся наступать на дядю.

– Гиляй, насмерть его только не надо... – зевнула мать и побрела к дому.

– Не волнуйся, дорогая, – заверил дядя Гиляй, – я его не сильно зарежу...

Аксён вдруг понял, что дядя не пьян. Совсем. Только что заикался, а теперь...

Чугун сделал выпад розочкой. Но вместо дяди Гиляя попал в тракторную покрывку и завяз в ней оружием.

– Сам дристун, – сказал негромко Тюлька.

Аксёну стало все ясно, ну, кто возьмет верх. У Чугуна никаких шансов, дядя Гиляй быстрее и, что самое главное, опытнее.

Чугун выволил розочку из резины и кинулся на дядю повторно. В руке у Гиляя возник ножик. Раскладушка, бабочка, Аксён точно не помнил названия. Да и разглядеть ее было сложно, она просто блестела вокруг дядиной кисти, сливаясь в одно мутное пятно.

– Ух ты! – хлопнул в ладоши Тюлька.

– Юноша не склонен к консенсусу, – сказал дядя Гиляй. – В современном обществе так нельзя, мы не неандертальцы.

После этого дядя совершил сложное трудноуловимое движение обеими руками, левой отвлекающее, правой атакующее, и брызнула кровь. Чугун ойкнул и уронил розочку.

Кровь бежала хорошо, рукав рубашки мгновенно промок.

– Это что? – глупо спросил Чугун.

– Зарезал! – Тюлька пребывал в полном восхищении.

– Не дергайся, Кеша, я только шкурку тебе потрогал, – объяснил дядя Гиляй. – Крови много, опасности никакой. Пойди замотайся бинтиком.

– Сам замотайся... – Чугун разглядывал руку. – Мне, может, швы придется налаживать...

– Швы тебе придется, конечно, накладывать. Если ты будешь много болтать. Это я тебе обещаю. Пошел отсюда, мешаешь.

Разочарованный Чугун плюнул и отправился в медицинский поход, сказал, что ему надо срочно разобраться с парочкой сволочей в Еленском. Аксён был этому рад. Во-первых, станет тихо, во-вторых, он надеялся, что Чугуна кто-нибудь да добьет, в Еленском пара крепких мужиков еще проживала.

– Да он не в Еленский, он к Руколовой пошел, – сказал Тюлька. – Она его жалеет.

– В сердце нашего народа – океан жалости, – изрек дядя Гиляй и вернулся к костру.

Тюлька и Аксён устроились в покрывах и придвинулись к огню.

Дядя Гиляй молчал. Иногда прикладывался к бутылке и молчал. Они тоже молчали. Тюлька наткнул на шампур мясо и теперь совал его в огонь, мясо шипело, подгорало и, конечно же, не прожарилось. Тюлька не утерпел и стал жевать его полусырым.

Дядя Гиляй пил. Он уже почти лежал в покрывке, прилебывал и смотрел в небо. Аксён тоже смотрел. Звезд было так много, что хотелось спать.

– Спутник! – Тюлька указал шампуром. – Спутник летит!

– Это станция «Мир», – заявил дядя.

– Ее же вроде затопили, – зевнул Аксён.

– Ага, затопили. Ты еще скажи, что «Курск» затопили! Не, ребята, не все так просто! Станция «Мир» – она там, в космосе. Летает. Просто на нее бактериологическое оружие загрузили. Чтобы в случае чего сбросить на того, кого надо. На Китай, к примеру. Не, все не так просто...

Дядя рассказывал. Про затонувшие подводные лодки, которые на самом деле не затонули, а тайно переведены в Резерв Х, чтобы в случае чего в самый ответственный момент всплыть в самых нужных местах. Про невидимые танки и бесшумные вертолеты, про батальоны пропавших без вести – знаете, сколько народу каждый год просто так пропадает?

Аксён отметил сквозь наваливающийся сон, что склонность к неконтролируемому вранью – их семейное качество, врут все – и он, и Чугун, и даже Тюлька начинает, дядя Гиляй, без сомнения, их близкий родственник. И газеты, кажется, те же читает. «Враг государства» – отличная газетенка, жалко, как и «Механику», выкидывают редко.

А Тюлька слушал, забыв про мясо, не замечая, как вспрыгнувший огонек прожигает дыру в калоше.

А потом дядя рассказывал стихи, видимо, и его пробрало, мужики на трезвую голову стихи ведь никогда не рассказывают. Стихи. Что-то про ночь, про дождь и ветер, про одиночество, про залетевшего в дом ворона – вестника мрака.

Глава 4

Чугуну дядя привез ремень. Утверждал, что реальный «GUCCI», вроде как купил у настоящего бутичного дилера, который втихаря приторговывал стоками.

Аксён получил телефон. Телефон ему был совершенно не нужен – Ломы не входили в зону покрытия, один Чугун умудрялся звонить через хитрую проволоку, но дяде спасибо он сказал. Решил, что, как только дядя свалит, он загонит аппарат в городе.

Матери тоже что-то привез, она не показала.

Тюльке подарил большой резиновый шар с ушами сверху, шар можно было надувать, а потом на нем прыгать на манер лягушки. И Тюлька шар немедленно надул и принялся скакать по двору, врезаясь в покрышки, переворачиваясь и веселясь всячески. В конце концов воткнулся в колодец и сильно стукнулся лбом.

– Если взять четыре таких штуки и связать, то можно до Волги добраться, – радостно крикнул он.

Аксён представил, как Тюлька плывет на надувных шарах в Волгу. Красиво представилось.

– В будущем у машин будут круглые колеса, – заявил Тюлька.

– А сейчас они что, квадратные?

– Нет, ты не понял, они будут как шары. Как вот это.

Тюлька снова оседлал шар и пустился прыгать.

– Где дядя?

Тюлька махнул в сторону леса:

– Там. Что-то устраивает. Варит что-то.

Аксён решил посмотреть. Двадцать пятое. Только начало. Самое начало, каникулы вчера начались. Надо заполнить дни чем-нибудь. Дурацкими делами и ненужными разговорами. Что-то делать и с кем-то разговаривать. Как можно меньше думать.

Потому что так быстрее.

Дядя устроился основательно. Расчистил полянку двадцать на двадцать, натаскал покрышек и ящиков, ведра валялись, тазы старые, из битых кирпичей сложено что-то вроде печки. На печке красовался чугун, наполненный песком, на чугуне турка с длинной ручкой.

Дядя Гиляй варил кофе.

– Здравствуйте, – сказал Аксён.

– Привет, – дядя был бодр, – сегодня отличный день. В этот день четыре года назад...

Дядя замолчал.

– Кофе у вас вкусно пахнет.

– Кофе, точно. – Дядя Гиляй углубил турку в песочные барханы. – Настоящий. Сто грамм – пять тысяч рублей.

– Сколько? – не поверил Аксён.

– Пять. – Гиляй продемонстрировал турку. – Один дружбан угостил. Он в Москве работает, в Барвихе. Слышал?

– Не...

– Ну и ладно. Хозяева на даче оставили. А у них правило такое – что забыто или оставлено – все техперсоналу. Один раз телефон за штуку баксов оставили – так только симку потом взяли, а телефон дружбану. Аристократия, блин. Ты пей.

Аксён попробовал.

Это был не кофе. Вернее, это был кофе, а все, что пил Аксён раньше, кофе, безо всякого сомнения, не являлось. Это...

– Вкусно?

– Ага. Прямо... Ну не знаю.

– Элитный сорт. Реально элитный. Короче, он растет в Африке, ну, на обычных кофейных кустах. Или деревьях, не знаю, на чем он там растет. И когда он поспевает, прибегают местные суслики. Или белки... Так вот, эти белки жрут зерна, но не разжевывают их, прямо так глотают, чтобы голода не чувствовать. Само собой, эти зерна не перевариваются и на следующий день выходят естественным путем. И тут же хитрые берберы их собирают, сушат, а потом жарят. Получается очень дорогой кофе, для ценителей.

– Так это что? – Аксён презгливо поболтал чашку.

– Ага, – подтвердил дядя Гиляй. – Он от этого приобретает необычные вкусовые свойства.

– Это какашки сусликов?

– Ты говорил, что вкусно.

– Вкусно, – грустно согласился Аксён.

– Ну, и не обращай...

Дядя замолчал и принялся чесать подбородок, его явно посетила какая-то идея.

– Я вот что думаю, – сказал он через минуту. – Вот... Вот если купить, допустим, мешок кофейных зерен, ну, в той же Костроме, обжарить их как следует и заставить Вячеслава их глотать...

– Что?! – сморщился Аксён.

– Шучу, шучу, – успокоил дядя. – Шутка. Пей кофе, давай подгорячу.

Аксён протянул кружку. А что, где-то там ведь едят какие-то ласточкины слюни или еще что такое и клопов каких. Кофе из беличьих какашек...

– Дядя, а что вы там рассказывали вчера... Ну, стихотворение. Про ворона.

– А, это... – Дядя Гиляй почесал уже лоб. – Я шепнул, друзья сокрылись вот уж многие года... ты-ры-пыры ты-ры-пыры как надежда навсегда, ворон каркнул, ворон каркнул, ворон каркнул никогда... Не помню, как его звали, писатель и поэт.

– Поэт?

– Ну, и поэт тоже. Он сошел с ума и утопился. А может, под поезд бросился. Под бронепоезд.

– И умер?

– Конечно. Кто же после поезда выживает... А ты стихи сочиняешь?

– Да не...

– А что так? – удивился Гиляй. – Все нормальные ребята сочиняют стихи. Я вот сочинял. Когда был влюблен. Глупые, конечно...

– Я тоже сочиняю, – вдруг признался Аксён.

– Про любовь?

– Про Робинзона Крузо.

Дядя икнул от неожиданности.

– Интересная тема... – сказал он. – Необычная... Никогда... Может, прочитаешь что-нибудь.

– Да я больше не сочиняю...

– Ну, из раннего тогда. Наверняка это очень познавательно.

– Ну да...

Аксён принялся вспоминать. Стихи про Робинзона Крузо он бросил сочинять год назад и с тех пор ничего не создал. Но старое помнил.

– Ладно, прочитаю, – сказал Аксён. – Только смеяться не надо.

– Не буду, – заверил дядька. – Стихи – это вообще не повод для смеха, стихи – это трепет души. Давай, Иван.

Аксён вздохнул и пробубнил:

У Робинзона Крузо имелась аркебуза,
А также барабан
И Пятница – болван.

Аксён замолчал, взглянул на дядю: одобряет или нет? Понять по лицу было трудно.

– Мне кажется, лучше так: «И Пятница – баран», – сказал дядя. – Может быть. Я не очень разбираюсь, если честно. Знаешь, я однажды немного... Ну, короче, попал. И там была «Карманная поэтическая библиотечка», я ознакомился... Два раза. Послушай, Иван, ты мне кастрюлю старую принеси, ладно?

– Зачем?

– Свинец плавить буду.

– Да где вы сейчас свинец найдете, его давно уже весь переплавили...

Дядя Гиляй хмыкнул.

– Я сюда пешком шел, – сказал он. – Чтобы вспомнить юность. Ты знаешь, что у нашей семьи тут был завод?

– Конный? – спросил Аксён.

– Почему конный, кирпичный. А Ломы были нашей вотчиной. Кирпичный завод, табуны, две мельницы...

Врал дядя. Разъезд Ломы только в девятьсот десятом году был построен, это Аксён точно знал. Но с дядей не спорил, пусть врет. Может, он от этого умнее себе кажется, а взрослые, когда кажутся себе умнее, всегда добреют. И денег дают.

– Впрочем, это неважно. Я брел по родному тракту, леса-перелески, ностальгия... И вот гляжу: яма вроде как. А я тогда заблудился немного, чуть в сторону сбился. Яма. Ну, думаю, кто-то стройматериалов в семьдесят лохматом натырил, припрятал, а все равно посадили, так схрон и загнил. Ну, решил на всякий случай поглядеть. Поковырялся, а там аккумуляторы. Целая гора. Наверное, тонны полторы. Ну, конечно, лучше выплавить... Короче, нужна кастрюля. Имеется?

– Ага. От Борьки осталась...

– Что за Борька?

– Поросенок... Раньше у нас жил. Давно.

– Сожрали? – сочувственно осведомился дядя Гиляй.

– Убежал. В лес.

– И правильно сделал, – покивал дядя Гиляй. – А что, сейчас жить в лесу можно, волков нет, все спокойно, знай трюфеля откапывай... Я бы тоже от вас убежал, злые вы люди, кого хочешь сожрете...

Аксён кивнул.

– Слушай, Иван, а что у вас в сарае? – Дядя Гиляй указал туркой. – Полезное что-нибудь встречается?

– Не знаю. Там много чего... Парашют, к примеру.

– Парашют? – удивился дядя Гиляй.

– Ага. Чугун из леса притащил.

– А откуда он в лесу?

– Не знаю... Чугун гнал, что диверсант тут приземлился. Вынюхивать про наши ракетные базы.

– Парашют – это вещь, – задумчиво сказал Гиляй. – Я потом посмотрю.

– Зачем кому-то нужен парашют?

– Ну, – дядя поболтал туркой, осаживая гущу, – кофе будешь?

От кофе из африканских сусликов Аксён отказался.

– Парашют – вещь серьезная, – повторил дядя Гиляй. – Из него можно легко сочинить тент. Или прекрасную палатку. Или парус.

– Парус?

– Конечно! Отличный парус. Поставить на надувную лодку, ну, или на обычную – и вперед! Я, когда был в твоём возрасте, отсюда каждый раз сбегал. И на Волгу, и на Оку. И на Енисей. Один раз даже не поймали...

Дядя Гиляй предался воспоминаниям, Аксён удалился. Ему тоже все время хотелось сбежать. Но он не мог.

Он должен был быть тут. Уже двадцать пятое.

Дядя смешной. Похож на Тюлька. Вернее, Тюлька на него.

Брат отца.

Двадцать пятое продолжалось долго. Тюлька два раза бегал проверять – ничего. Замки, доски. Правда, Тюлька сказал, что Жужжа вроде как что-то почуяла, но Аксён был уверен, что это ерунда. Жужжа всегда что-то чуяла, уставится в пустое место и давай рычать, шерсть ежится, глаза сверкают. Аксён говорил, что это она привидение чувствует. Тюлька пугался.

Вчера прискакал с выпученными глазами, зубы щелкают, говорит, что в доме Семиволковых привидение поселилось. И прилип. Каждые пять минут – привидение-привидение, привидение-привидение. Аксён плюнул и отправился проверять.

Никакого привидения, просто летучая мышь заблудилась под чердаком, шумела, пришлось лезть выручать.

Тюлька помогал.

Потом решили поболтаться. Тюлька тянул в город, Аксён в город не хотел, предложил снова сходить на запад. Тюлька отказался, Аксён отправился один. Но не по железке, а по грунтовке. Ноги со вчерашнего путешествия ныли, но это быстро отпустило. Через пару километров усталость ушла вообще и даже больше – Аксён вдруг почувствовал небывалый подъем. То ли от солнца, то ли еще от чего, но Аксён побежал.

Сил хватило минут на двадцать, затем дыхание кончилось, Аксён остановился.

Двадцать пятое. Хождения тоже хорошо время убивают. А год назад они были на Темных озерах. И видели, как сгорел спутник. Она тогда еще взялась спорить – спутник это или нет, говорила, что это самое обыкновенное НЛО. А он смеялся. Это была странная ночь. Небо пылало белым огнем, а затем пошел дождь. Редкие сияющие капли, похожие на светлячков. С неба падали миллионы светлячков, лес, и вода, и даже камни лучились мягким жемчужным светом...

«Уазик» выскочил из-за поворота. Аксён хотел опрокинуться в заросли, но было поздно – его заметили – «уазик» моргнул маячком и библикнул.

Аксён поморщился, встречаться с милицией ему совершенно не хотелось.

Машина остановилась, и из нее выбрался Савельев. Без формы, в каком-то масляном трактористском комбинезоне, в сапогах. И рыбой от него пахло почему-то, электроудил, наверное.

– Здравствуй, Иван. – Савельев протер руки о штаны, чище не стали ни штаны, ни руки.

– Здравствуйте, – сказал Аксён как можно безразличнее.

– Все гуляешь?

– Почему же гуляю, тренируюсь.

Савельев хихикнул.

– И в чем же ты тренируешься? – Он больно ткнул в Аксёна пальцем. – Готовишь Боевую неделю? Или Боевой месяц? Или вообще кирдык нам przygotowujesz?

– В спортивной ходьбе, – ответил Аксён. – Это самый перспективный вид. А про драки я уж и думать забыл, вы же знаете, мне и доктора не велят...

– Доктора... Ваша семейка на все что угодно способна...

– Это предубеждение, дядя Миша. Просто городские не любят ломовских, считают, что мы дикари. А мы обычные люди. Законопослушные граждане.

– Ага, – хмыкнул Савельев. – Конечно, законопослушные... От вас все стонали тут! Пройти нельзя было! Народ вас выселять собирался, еле...

– А я вот в спортивной ходьбе упражняюсь, – перебил Аксён. – Живу, не парюсь, с прошлым покончил.

– Короче, Иван. – Савельев подобрался. – Я вижу, ты не поумнел. И если уж никто тебе этого не скажет, так я скажу...

Аксён нарисовал на лице внимание.

– Брат твой у нас на заметке, – Савельев нахмурился. – И он сядет. Рано или поздно, это я могу точно сказать.

– А вдруг нет? – улыбнулся Аксён. – А вдруг он перекуется?

– Сядет, – заверил Савельев. – А как выйдет, снова сядет. И потом опять. Короче, топтать ему не перетоптать... Мать ваша...

Савельев замолчал.

Достал папиросы, закурил.

Аксён тоже молчал. Ждал. Участковый в два затяга высосал «Приму», потушил бычок о бампер «уазика». Подумал.

– Ваша мать... Она была очень... Короче, Иван, так. Держись подальше от Чугуна, так будет для тебя лучше...

– С удовольствием, – Аксён поклонился. – Вы только Чугуна посадите, и я буду держаться от него подальше.

Савельев махнул рукой и стал забираться в «уазик».

– Вы только его пореальнее куда-нибудь законопатьте, в Нарьян-Мар...

– Почему вы такие дураки?! – Савельев хлопнул дверцей. – Почему в вашем возрасте все такие дураки?!

– Мы...

Савельев запустил двигатель. Высунулся наружу:

– До дому-то подвезти?

– Спасибо... Я же тренируюсь... Каждый день приходится по двадцать километров проходить, между прочим...

– Ладно... Я в Неходи живу, ты знаешь... Если что, приходи.

«Уазик» дернулся и укатил.

Больше гулять не хотелось, но Аксён прошлепал еще около километра. Для убийства времени.

Как-то раз она подарила ему цепочку...

Глава 5

В конце августа ее отец вдруг приехал в гости. На машине. На джипе старом, но настоящем. Почти неделю шли дожди, и разъезд был сухопутно почти недосыгаем, но дядя Федор добрался. Важное дело.

Они с матерью устроились на крыльце и стали пить чай, мать по этому поводу растопила самовар и стряхнула с печки шишки, чтобы все было по-настоящему, и даже достала из холодильника покровский пряник – это говорило о том, что визит не просто таковский. Иван прятался за колодцем, важные визиты нельзя было пропускать мимо ушей.

Дядя Федор сказал, что его несколько волнует Ваня. Он странный. И для своих восьми лет ведет себя необычно. Не по-детски. Ладно бы он бодался со сверстниками, это в чем-то нормально. Но он воюет и со взрослыми. И всегда побеждает. Пребывает в постоянном состоянии конфликта с окружающими.

Мать ответила, что ничего удивительного тут нет, старший ее сын в этом возрасте был точно таким же. И муж. Тот вообще никогда не проигрывал и получал все, что ему хотелось, это его и губило.

Дядя Федор заметил, что Ваня никогда не смеется. Он знает его уже почти четыре года и ни разу не видел, как он улыбался. Это все-таки как-то нехарактерно для детей, дети должны ныть, безобразничать...

А он только воюет.

Мать промолчала. Или сказала что-то уж совсем негромко, Иван не услышал. Он попробовал улыбнуться. Ничего получилось. Лицо сложилось правильно, как надо. Все у него с улыбкой в порядке, улыбается он нормально...

Отец Ульки закурил какие-то крепкие папиросы, Иван чуть не закашлялся. Дядя Федор сказал, что вообще ему Иван очень нравится. А после случая с сенбернаром он очень рад, что у Ульяны есть такой друг. Надежный и верный. Раньше его немного пугало, что Иван так заиклен на Ульяне. Что они все время вместе, что она слушает его больше, чем собственного отца, но теперь они, ну, он и мать Ульки, считают это нормальным.

Пусть они дружат и дальше. К тому же скоро в школу, пусть они и в школу вместе ходят, и за партой тоже одной. Только...

Иван подумал, что сейчас дядя Федор вспомнит про пальцы. Мизинец и безымянный все-таки сломаны, нет, понятно, дверью прищемили, она всегда с дверями была неаккуратна...

А вообще, если они уж стали дружить с садика, то пусть и дальше дружат.

Лето перед школой случилось холодным.

В июне два раза с неба сыпалась снежная крупа, во второй раз набралось пол забытого стакана, и в ту ночь померзла клубника, чернику же вообще побилло еще на цвет, поговаривали, что год будет недобрым.

Поговаривали про медведей, которых с прошлого жирного лета развелось, а теперь, в бескормицу, они всем покажут.

Они готовились к школе. Районная администрация подарила всем первоклассникам по рюкзаку со всем необходимым – тетради, буквари, даже карандаши с красками. Иван приходил к ней в гости, и они до обеда играли в школу. А после обеда шли на речку. А иногда просто по городу.

Если на речку, то купались до посинения. Он нырял и выворачивал небольшие топляки, он отлично плавал уже тогда, удивлялись все. Забирался к центру Песчаного омута и нырял, доставал со дна самых крупных и тяжелых жемчужниц – хотел добыть ей жемчужину. Однажды взрослые дядьки зашвырнули в омут подкову – кто достанет, тому ящик коньяка. Никто дотянуться не мог, и тогда прыгнул Иван. Он легко достал до дна, легко отыскал подкову, правда,

ящик коньяка дядьки зажали, всего лишь тысячу рублей. На эту тысячу они купили мороженого, лимонада и три пиццы.

Если в город, то в прятки играли. Прятки тоже придумал он. Выбиралась улица, квартала в четыре, дольше уже неинтересно. Он прятался. Улька любила водить, и прятался всегда он. Правило было только одно – не забираться во дворы. Однажды он спрятался на Морской – странное название, до ближайшего моря было полторы тысячи километров, и она прошла три раза от конца до начала и не нашла. Иван почти полтора часа пролежал в трубе, которую десять лет назад здесь забыли строители. Его покусал кто-то мелкий, и целую неделю потом на теле держались волдыри. И ноги затекли так, что пальцы на правой слегка посинели.

Он выиграл.

Он выигрывал. Всегда. Хотел быть лучшим. И она должна была стать лучшей. По-другому было нельзя.

Она хлюпала. Когда ела суп и когда пила чай. Суп и чай в саду подавали всегда слишком горячими, и Ульяна хлюпала громче всех в группе. Это не раздражало его, просто это было неприлично и могло в будущем перерасти в скверную привычку. Этого нельзя было допустить.

Он исправил это за две недели. Каждый раз, когда она начинала хлюпать, он пинал ее под столом в голень. Суп расплескивался, чай обжигал губы, стакан бил по зубам, через две недели от хлюпанья не осталось и следа. Воспитательница попросила Ивана поработать и с другими ребятами в группе, он отказался, до других ему не было никакого дела.

Жвачка. Мятная, фруктовая, но арбузная больше всего. Сразу по две таблетки.

Он тоже жвачку любил. И тоже по две таблетки, правда, абрикосовую. Но как-то раз он услышал, что от жвачки разрастается челюсть и ухудшается дикция, причем очень быстро, буквально после пары лет усердного чавкания. На свою дикцию ему было плевать, на челюсть тоже, однако допустить, чтобы подобные недостатки укоренились в Ульяне, он не мог.

На жвачку времени потребовалось еще меньше. Неделя. Он сделал это с помощью свистка. Как только Ульяна начинала жевать, он доставал свисток и дул. Ничего не объяснял, просто свистел, и все. Свистел, свистел и свистел, пока не начинала болеть голова.

Ногти. На ногти он никогда не обращал внимания, просто они однажды смотрели мультфильм про Каспера, а ее мама стала ругаться, что у Ульки самые нестриженные ногти на всей улице, а она бац – и стала их грызть. Тогда и он заметил – Улька грызет ногти. Это было недопустимо, она просто не могла грызть ногти, под ногтями обитали миллионы микробов самых вредоносных пород.

К тому же это некрасиво – ходить с корявыми ногтями.

Борьба с этой опасной привычкой отняла у Ивана много сил и душевной энергии. Сначала он планировал мазать ей пальцы горчицей, но это оказалось хлопотно – ходить все время за Улькой с банкой. Потом он решил надеть на нее перчатки. Такие специальные, с цепочками и замками, чтобы нельзя снять даже на ночь. Но таких не нашлось. Тогда он прибегнул к способу жесткому, но действенному. Каждое утро он заходил к Ульке с маникюрными ножницами и стриг. До мяса. Тупо и упорно. Ульке это ужасно не нравилось, и очень скоро она научилась стричь ногти сама.

Гораздо трудней оказалась борьба с котиками, Иван даже не ожидал. Ульяна рисовала котиков. Таких, каких рисуют все девчонки, глазастых. Ничего, в общем-то, страшного, но Ивана котики раздражали. Очень. Они были тупыми, когда он этих котиков видел, ему хотелось сбегать за ведром с водой – и топить, топить. Он сказал, что котики ему не нравятся. Если ей хочется рисовать, она может вполне рисовать танки, против танков он возражений не имеет.

Ульяна ответила, что танки ее не интересуют, а котята, напротив, нравятся чрезвычайно. И львята. И в подтверждение тут же изобразила львенка прямо на крыльце.

Иван заметил, что львенок выглядит придурочно. Ульяна не стала спорить, просто сказала, что это красиво. Началась борьба.

Он начал пририсовывать котят лишние запчасти, фингалы, шрамы и неприличные усы и уродовать их по-другому, однако это оказалось бесперспективным направлением. Ульяна ловко исправляла все безобразия, например к усам пририсовывала шляпу, и получалось уже не глупо, а смешно, фингалу делался братец на другом глазу и фингал уже вовсе не фингалом казался, а элементом расцветки. И все в том же ключе.

Тогда Иван загнул с другой стороны – он говорил, что котиков рисуют только сопляки и соплячки, что настоящие девочки в сторону котиков и не глядят, только одни дурехи.

Котики держались.

Иван пробовал действовать жестко – рвал котиков, нарисованных на бумаге, и замазывал львят, изображенных на стенах и досках забора.

Котики были непреклонны.

К тому же он не мог контролировать Ульяну постоянно, ему казалось, что только он отправляется вечером домой, как она немедленно бежит к альбому и рисует до вечернего какао.

Надо было придумывать что-то новое. Необычное. Он придумал. Он принес настоящего котенка. Налил ему молока в блюдечко. Котенок стал лакать. Ульяна пришла в умиление. Он достал котенка с пола и сообщил, что, если она не оставит своих художеств, котенку придет конец. Это просто: защемить в дверях, утопить в умывальнике, замуровать в валенке.

С котиками было покончено в тот же день, а кота почему-то называли Лопухом, он был жив и сейчас, злой и дряхлый.

Нет, осталось еще кое-что. Ну, из привычек вредных. Мелочи, он не стал их выкорчевывать, чтобы потом было с чем бороться. Потому что даже идеал должен быть с недостатками, по-другому ведь неинтересно.

Пялиться. Она обожала пялиться, прицепится к чему и смотрит так, будто мозги отключаются.

Все время трогала себя за левое ухо. Постоянно. В ухе, конечно, вины ее не было, это из-за отца. Дядя Федор тоже то и дело дергал себя за ухо, правда, за правое. А дочка его за левое. Этот недостаток Ивана очень интересовал. Первоначально он собирался его искоренить как котиков, но потом решил оставить. Потому что заметил, что дядя Федор очень гордится этой странной привычкой – вроде как родовой признак, фирменный знак Семиволковых. К тому же Иван обнаружил в этом дерганье некоторый смысл. У него были часы, пластиковые, недорогие, он нашел их возле железки, и вот по этим часам он отметил, что за ухо Ульяна дергает каждые восемь с половиной минут.

Ему очень захотелось выяснить, дергает ли Ульяна за ухо ночью, и он устроил так – как-то в среду прикинулся больным и остался ночевать. Его устроили в комнате Ульки, возле окна, на старом диване. Разумеется, он не спал. И выяснил, что сначала Улька за ухо не дергает. Но потом, когда засыпает глубоко, опять дергает. И тоже с частотой восемь с половиной минут, точно тикает у нее где-то в глубине самозаводящийся секундомер.

Еще он заметил следующее: когда Улька пребывала в хорошем настроении, она всего лишь касалась уха пальцем, если же настроение было наоборот, то Улька принималась безжалостно выкручивать мочку. Так что по степени красноты левого уха можно было легко определить ее душевное состояние.

Так что ухо Иван оставил в покое.

И косичку тоже.

Все девчонки заплетают косички. Ульяна их не заплетала. Она устраивала какую-то мерзкую, по мнению Ивана, висюльку, болтавшуюся опять же за левым ухом. В косичку регулярно зачем-то вплетались конфетные фантики, разноцветный бисер и фольга, а на самом низу болталась резиновая лягушка с сомнительной физиономией.

Он хотел просто отрезать эту дурацкую косичку, но остановился. Лягушка, что ли, хитро подмигнула, и он ее оставил.

Все это он оставил. Пусть.

Это было тактическое отступление, он сделал шаг назад, чтобы потом сделать двадцать два шага вперед.

Уступать тоже полезно, вот что он понял. А еще в этой войне он открыл еще одну истину, очень простую – враг может быть не только снаружи, он проникает и внутрь. И это гораздо опаснее. С тех пор он следил. По крайней мере, старался следить. Чтобы никаких котиков.

Иван был доволен. Все шло хорошо. Когда они гуляли по улице, он смотрел на тени. Его тень совпадала с ее тенью. Вернее, ее тень совпадала с его, так правильнее. Тени пришли в соответствие.

И вдруг у нее появился шарик. Совершенно незначительный шарик, через месяц она про него уже забыла, но из-за него они поссорились в первый раз.

Шарик был стеклянный, почти прозрачный, в центре жила небольшая золотая искра, больше ничем примечательным он не отличался. Но Улька уверяла, что шарик необычный. Волшебный. Если класть его под подушку, снятся только хорошие и добрые сны, в которых летаешь и не падаешь.

Он не поверил.

Нет таких шариков, которые наводят хорошие сны, это он знал твердо.

Нет таких снов, в которых летают. Есть сны, в которых падают, это точно, этого сколько угодно.

Она уверяла, что все так и есть и даже одолжила шарик ему на ночь. Он взял и честно закатил его в подушку. В эту ночь ему не приснилось, что он летал, ему приснились медвежата. Они заполнили дом и стали расти и очень быстро, буквально за несколько минут, превратились в медведей. И открыли мясную лавку.

– Ерунда твой шарик, – сказал он на следующий день Ульке.

– Не ерунда, – ответила она. – Просто ты не умеешь им пользоваться. Надо прятать его так, чтобы он был как раз напротив уха, тогда все и получится, волшебство так сразу не проявляется.

Что-то нашло на него, наверное, с недосыпу, он залез на забор, достал шарик и громко крикнул:

– Шарик – фигня!

Она попыталась его достать, сорвала крапивину и стала подпрыгивать и лупить его по ноге.

Иван рассмеялся и стал подкидывать шарик. Высоко. Так высоко, что его даже не было видно, только где-то в высоте вспыхивала пронзительная искра.

Конечно же, он его не поймал. Конечно же, под забором оказался камень. Шарик разлетелся на миллион звездочек, просто растворился в воздухе.

Она обиделась. Отвернулась и убежала домой.

Сначала Иван решил, что это просто. Ну, обиделась и обиделась, немного пообижается и успокоится. Пройдет. Но это не прошло. Ни завтра, ни на следующий день.

Улька дулась. Она продолжала с ним разговаривать, они даже выпили чай с гренками. Но она отводила глаза.

Он разозлился. Очень разозлился, как не злился ни на Кареева, ни на Золотарева. И сказал, что через день притащит ей тридцать таких шариков. Уля плакала. Он промолчал и отправился в путь.

Знал куда.

Такие шарики водились в изобилии на четырнадцатом километре к западу от их разъезда. Когда-то там был пакгауз, со стекольного завода по узкоколейке доставляли вагоны с банками и бутылками и перегружали их на большие поезда. Много стекла билось. Со временем стекло на насыпи обкатывалось бесчисленными вагонами, превращалось в крупную стеклянную картечь,

после чего неизвестным путем эта карточка распространялась по железнодорожному полотну за километры. Найти было легко, достаточно просто прогуляться.

Иван отправился в путь. Четырнадцать в одну сторону, четырнадцать обратно. Он вышел из дома в пять и вернулся в одиннадцать. Возле Еленского чуть не попал под товарняк, машинист гудел так, что Иван оглох на левое ухо.

Он добыл семнадцать обычных шариков, два шарика глубокого голубого цвета и два шарика с внутренними искрами. Очень хотелось найти что-нибудь необычное – шарик с двумя искрами или еще что-нибудь, чтобы ей понравилось.

Он принес шарики, но Улька уже утратила к ним всякий интерес, ей больше не хотелось видеть сны с полетами, ей хотелось шиншиллу. Ее двоюродной сестре купили шиншиллу, и теперь Улька не мыслила без шиншиллы существования. Она говорила только о шиншиллах, рисовала шиншиллу и даже придумала для шиншиллы имя.

Джина.

Иван позвал ее купаться, Улька в ответ попросила смастерить для шиншиллы клетку. Он не выдержал. И это тоже случилось в первый раз. Ему ничего не оставалось. Он взял ее руку и сжал.

Дальше все было хорошо. Очень. Погода наладилась, они купались и гуляли и не вспоминали о случившемся. Иногда она морщилась – правая ладонь болела, два пальца все-таки.

Но Иван был рад, что все так получилось. Теперь все стало понятно. Окончательно. Был он, была она. Между ними воздух. И ничего больше. Никаких шариков.

О шиншилле Улька больше не вспоминала. Иван подозревал, что она опасалась, что он разберется с каждым, кто потревожит воздух между ними. Пусть это будет даже зверек размером с кулак.

В августе приехал ее отец, дядя Федор. Они долго разговаривали с матерью на веранде, и в первый класс он и Улька отправились вместе. Держась за руки. Рюкзаки за плечами, большие букеты.

Он счастливо улыбался.

Глава 6

Ждать оказалось тяжело.

Он начал ждать еще с зимы, еще тогда, тогда, в декабре.

Стал снег, разъезд накрыло тяжелой лапой и темнотой, светился лишь фонарь над ларьком Крыловой, да над перроном болтались синие полосы ламп. Семиволковы ждали на перроне. Тетя Даня, Петька, она. Тюлька еще.

Этого, Владика, не было, видимо, вчера уехал, только семья. Дяди Федора тоже не было, он решил пробираться к городу через завалы на джипе, а своих решил отправить на поезде, так безопаснее. И теперь они ждали пригородного. Тетя Даня курила, Улька мерзла и притоптывала сапожками, а может, просто вид делала, что мерзнет. Петька и Тюлька ползали по перрону, выкатывая снеговика.

Аксён стоял возле дома Юрьихи, смотрел на перрон через сломанный забор.

Надо подойти. Он и собирался подойти. Говорил себе: вот сейчас, еще минута и подойду. И скажу, речь была заготовлена и запомнена. Но так и не решился.

Он никогда не думал, что это так. Больно. Не в голове где-то больно, не в какой-нибудь там душе, а по-настоящему. Пригородный тронулся, и в животе тут же поселилось тяжелое тянущее чувство, угли, ветер дул, и боль вспыхивала, что-то лопалось внутри.

Пригородный втянулся в снег, свет над перроном погас в целях экономии, осталась только метель. И где-то в ней, прямо и вверх, звякала лампа, Аксён стоял за забором, так и стоял.

Мимо прохрустел Тюлька. Он глухо выл, Аксёна он не заметил.

Аксён выбрался на перрон. На западе сквозь метель виднелись красные точки семафоров, на востоке не было ничего. Перрон был завален снегом, следов нет. Кособокий снеговик. Аксён приблизился. Снеговик смотрел пластиковыми пробками от колы и улыбался дугой из десятикопеечных монет. Без носа, только дырка. Видимо, нос вытащил Тюлька.

Снеговика было весело. Он издевался, насмехался своими десятикопеечными зубами. Аксён стащил перчатку. Сейчас зубы. И глаза. И вообще, расколёт эту тупую репу, выпустит на воздух снежные мозги, потом будет прыгать так, чтобы снег к снегу...

Но он не ударил.

Вместо этого он привалился к холодному круглому боку и начал ждать.

Раньше он никогда не ждал. Разве что по мелочи. Лета, к примеру. Чтобы тепло, чтобы можно было не возвращаться домой, жить в шалаше у реки или болтаться по лесу. Чтобы в любой момент можно было заглянуть к ней в гости и отправиться куда-нибудь вместе. Или Дня Победы. В День Победы все было хорошо. Готовился стол, пекся пирог, иногда даже гости приходили. Даже Чугун себя хорошо вел.

Но это все было не то. Настоящее ожидание оказалось совсем другое. На следующий день он проснулся и не почувствовал ничего. Снегопад продолжался, засыпало все, и выбраться из дома не получалось, Аксён провалялся весь день в койке, не вставал даже обедать, хотя Чугун наварил с утра килечного супа.

Обидно. Она была недалеко, совсем рядом, он мог дотянуться до нее легко, даже сквозь пургу. Несколько часов через снег, и все. Если бы она уехала куда-нибудь в Америку, или в кругосветное путешествие, или в какой-нибудь Иркутск, то ему было бы легче. А сейчас он знал, что она здесь, что он может пойти...

Нет, он, конечно, мог пойти...

Не мог.

Потому что... Потому что она на него больше не смотрела.

К вечеру Аксён понял, что лучше не думать. Лучше начинать ждать.

Январь. Самый быстрый. Проскакивает так, что не успеваешь заметить.

Февраль. Холода. Жить легко – надо колоть дрова, топить печь, затыкать щели в стенах свернутыми в жгуты газетами, и все равно холод лезет из подпола, стекает с потолка, и в углу, там, где прогнило, нарастает сиреневая сосулька.

В марте будет тяжело. Станет больше солнца, потечет снег, в такую погоду ждать непросто. Но приятно. Потому что март – последний месяц. Каникулы начнутся двадцать третьего, но особо надеяться не стоит, Семиволковы могут и задержаться. Поехать во Владимир к родственникам. Или к Деду Морозу, в Великий Устюг. Или, что скорее всего, к морю, у них там квартира. Или еще что придумают, с ними так всегда – возьмут да и махнут в какое-нибудь интересное место. На Ахтубу, сомов ловить, дядя Федор – рыбак.

Но к концу месяца они вернутся. Или к апрелю. В школе Ульку всегда отпускают, она отличница, может задержаться и на подольше, на неделю. Точно, она приедет в апреле. Наверняка уже. И тогда он ей скажет. Или нет, он ей ничего не скажет, просто зайдет в гости, зевнет, и будет все по-старому.

К апрелю.

Аксён закрывал глаза и видел месяцы. Они были похожи на радугу, у каждого был свой цвет и свет, расположение и даже ощущение. Конечно же, самым светлым был апрель.

И ее он видел. Как она стоит на перроне, притоптывает и дует в кулаки. И варежки у нее белые, а на левой красная собачка.

И как тогда...

Тяжело стало не в марте, в январе, уже ближе к концу. Горячее ощущение в животе, возникшее на перроне, проснулось уже на третий день, а на четвертый зажило своей жизнью. Обычно оно полудремало, но стоило ему только хоть чуть вспомнить, и огонь вспыхивал, голодный лисенок просыпался и начинал завтракать. Его ненадолго можно было притопить холодной водой, или, напротив, горячим чаем, или снегом, но совсем оно не уходило. И Аксён скоро заметил, что возникла обратная связь: живот начинал ныть, пусть от голода, и Аксён вспоминал про Ульку.

Да и не забывал он вообще: варежки белые, на левой собачка, на правой уточка, джинсы, белые валенки, шубка, в ушах серебряные сережки, такие квадратики. И свитер. Его не видно, но он-то знал, что там за свитер...

Потом он уже не только ждал. Еще боялся. Понятно, чего боялся, не приедет, вот чего. Этого не должно было случиться.

Он не мог ни на чем сосредоточиться.

Чугун. Раньше он раздражал. Одним только видом своим, вечно чумазой с разводами мордой. А теперь нет, спокойно. Чугун был на третьем плане. Как и все остальное. Ему не было дела до всего, у него появилось новое занятие, даже предназначенье.

Ждать.

А к марту, к первой земле, Аксён уже разбирался в ожиданиях лучше всех на свете. Он стал настоящим специалистом. Он стал мастером. С изумительной точностью дегустатора вин он определял оттенки ожидания, их было много, чуть ли не каждый день приносил новые.

Тусклое – это когда серо, когда безнадега.

Злое. Это когда не находишь себе места, хочется что-то делать, головой об стену лупиться, когда нетерпение.

Радостное – самое глупое и страшное, потому что знаешь, что станет после, что оно сменится тьмой, и даже кости начнут болеть, и локти опухнут.

И темное. Когда огонек в желудке раздувается до размеров кулака, занимает все пространство и жрет. И бесполезно хоть что-нибудь делать, ни одно занятие не дает забыться, и каждую секунду вместе с кровью в голову бьет: «Еще долго, еще долго, еще долго...»

Она стояла того, чтобы ждать.

Глава 7

– Деньги кончились.

Мать потрясла чайную банку с индийскими красавицами, никакого звука не получилось, красавицы ничего не обещали. На всякий случай мать отвинтила крышку и заглянула внутрь.

– Пусто, – сказала она.

– И что? – спросил в ответ Чугун. – Может, на работу мне предложишь устроиться?

Тюлька хохотнул. Представить Чугуна работающим не мог даже он.

– Неплохо бы, – вздохнула мать. – Неплохо бы, чтобы ты поработал...

– Сама поработай, – огрызнулся Чугун. – Ты же швея, швеи сейчас нужны, а меня куда возьмут?

– Учиться надо было...

– Ага, учиться. Когда вы тут...

Они принялись ругаться, Аксён не очень слушал, – двадцать шестой день, а денежный вопрос возникал примерно раз в неделю. Мать объявляла, что средства исчерпались, Чугун отвечал, что пособие по безработице не стоит пропивать так быстро, некоторые умудряются растянуть его почти на месяц, мать отвечала, что в других семьях дети как дети, а у нее какие-то вурдалаки, все им мало...

Обычно ругались они недолго, минут десять от силы. После чего Чугун не выдерживал, крыл мать матом, она швыряла в него первым попавшимся.

Впрочем, иногда случалось, что Чугун соглашался с аргументами матери и предпринимал действия, направленные на улучшение благосостояния семьи.

В боевое настроение Чугун отправлялся грабить товарные составы. В настроение так себе Чугун двигал в город – расхищать цветные металлы и угонять велосипеды. Если настроение было вовсе мизантропическое, то Чугун шагал на разъезд Монако.

Сегодня настроение было мизантропическое. Поругавшись с мамашкой, Чугун объявил:

– Собирайтесь, убогие. По грибы пойдем. Тюлька!

Тюлька сидел в углу и пытался склепать из трех радиоуправляемых танкеток одну. Этим он занимался на протяжении последних двух недель, однако прорыва в танкостроении не намечалось, машина никак не хотела слушаться пульта, или ехала только прямо, или крутилась волчком. Танкетки оставил Петька, пульта управления он случайно увез, остался пульт от игрушечного вертолета, но он танками управлял некорректно – то прямо, то волчком.

– Тюлька, пойдем по грибы, – позвал Чугун уже просительно.

– Отстань...

– Пойдем, говорю, бабла нарубим. Настоящий танк себе купишь, хороший.

– Точно?

Тюлька отвлекся от пульта.

– Не верь ему, – сказал Аксён. – Ничего он тебе не даст.

Аксён лежал на койке. Сегодня он собирался...

Он точно не помнил, что собирался сегодня сделать. Вчера, перед тем как уснуть, он придумал, как угробит этот день, сотрет его, не заметит, пропустит мимо, и ожидание сократится. И останется всего какая-то неделя, если повезет, даже меньше.

Еще он придумывал, что скажет.

Что-нибудь такое небрежное, начинать всегда надо с небрежного, и неплохо бы с юмором. Типа, хорошо выглядишь, жаль уши нельзя подрезать. И она ему тоже что-нибудь в духе ответит, ты тоже нормально, баклан, давно из концлагеря вернулся? Разговор и завяжется, погоду обсудят, расписание поездов. И он спросит: что она делает сегодня вечером? И не хочет ли она прогуляться вдоль железки, ну, до моста?

Так ему представлялось сначала. Потом он придумал, что не станет ничего говорить. Сделает вид, что ему неинтересно. Что забыл. Выждет еще один страшный день – а потом как бы случайно пойдет. Вроде как прогуливаться. Или в ларек. И опять же совершенно случайно окажется у ее дома. А она будет возиться в огороде... Нет, какой огород, весна, март – апрель, ничего еще не растет, огурцы только замочили. Она будет просто сидеть, на солнышке греться, солнышко сейчас самое подходящее. Сам он, разумеется, ничего не скажет. Она сама его окликнет.

Вот так. Так правильнее...

– Третью тебе, – уговаривал Чугун. – Тебе! Если повезет, сможешь себе танк свой купить. Ну, или на «Соньку» свою отложишь.

Все, подумал Аксён, спечется Тюлька. «Сонька» это как волшебное слово просто... Бедный Тюлька, ее ведь у нас даже подключить некуда, телик древний, «Соньку» он не потянет.

– Только честно чтобы, – Тюлька нахмурился. – Смотри, Чугун, если опять меня обманывать будешь, я тебе... Я тебе ночью ноздри склею!

– Он обманет, Тюлька, – сказал Аксён, – так что лучше сразу клеим запасайся. Есть такой супер, в маленьких пузыречках...

– Точно склею.

– Все верно, Тюлэк, братушка не обманет.

– Ладно. Только если без драки...

– Какая драка, вьетконговцев всех посадили. Все будет спокойно, Тюлька, не бойсь.

– Ладно...

Тюлька принялся собирать танки в коробку.

– Чугун, – зевнул Аксён, – когда ты к своей бабе свалишь, а? Такой жлоб, а все с нами живешь. Вали к Руколихе.

Чугун не ответил.

– А я вот тебе что скажу, Чугун. Ты ей не нужен. С таким дураком жить никто не хочет...

– Да я сам с ней жить не хочу, – отмахнулся Чугун. – Она меня умоляет вообще... Вообще, Аксель, не лезь не в свое дело! Давай, собирайся лучше.

– Я не пойду, – сказал Аксён.

– Как это не пойдешь?

– Так. Зачем я вам там нужен?

Аксён в побирушничестве был действительно бесполезен, ему не подавали никогда, даже в самом раннем детстве, из-за взгляда. Чугун был очень недоволен: ему самому не подавали из-за возраста, а Аксёну из-за внешности, доход падал, и место в Монако могло потеряться. Чугун предпринимал различные ухищрения – натирал лицо Аксёна сажей, а глаза луком, обряжал его в лохмотья, рисовал свекольным соком язвы, подвязывал Аксёну ноги и пачкал зубы черникой. Не помогало. Денег добывали мало.

Взгляд мешал.

Укротить взгляд брата Чугун тоже пытался неоднократно. В основном средствами физического воздействия, проще говоря, мордобоем. Впрочем, рукоприкладство особого успеха не возымело, даже напротив, взгляд у Аксёна становился только злее. Чугун начинал подумывать уже о нанесении настоящих увечий, ну, допустим, простых шрамов, но тут подросток Тюлька. Ему подавали легко и много, даже труда особого прилагать не приходилось, он просто смотрел. С двух лет Тюлька стал звездой запасных путей разъезда Монако.

Он мог стать настоящей золотой жилой, однако количество переживающих поездов сократилось – это раз, происки конкурентов – это два. Поэтому выходить на промысел приходилось не чаще раза в месяц.

Аксён тоже иногда участвовал в этих походах. Да, попрошайничать он не мог, зато у него имелось другое, чрезвычайно полезное качество. Аксён видел опасность.

– Зачем нужен? – переспросил Чугун. – Это же понятно, зачем. Постоишь на шухере. Тебе, Аксель, кстати, деньги понадобятся, скоро твоя подружка подъедет.

Это правильно, подумал Аксён. Денег мало. Нет почти. Хотя и тратить их тут негде. Ну, купить конфет или мороженого, хотя холодильник у Крыловой сгорел...

Подарок!

Аксён едва не провалился сквозь койку. Можно сделать подарок! Даже нужно! Подарок – отличная идея. Девчонки обожают подарки – это всем известно. Если немножко заработать, то можно подарить ей...

До Монако девять километров. Пока они шагали вдоль железки, Аксён думал, что подарить. Из серебра или, если повезет, из золота. До золота он, конечно, не дотянет, но вдруг... Ладно, главное определить – что покупать.

Драгоценности. Ну, конечно, не драгоценности, а что-нибудь простое. Сережки.

Не пойдет. Сережки – это не то все-таки. Это муж жене может серьги подарить или отец дочке, дарить девчонке сережки неправильно.

Брошку. Сейчас их мало кто носит, глупо дарить девчонке брошку.

Браслет хорошо, но наверняка дорого, денег не хватит, даже на серебряный.

Значит, кольцо...

Аксён остановился.

– Что опять? – обернулся Чугун. – Задний решил врубить?

– Нет...

– Подари ей серебряную открытку, – посоветовал вдруг Чугун.

– Что? С чего ты взял?

– У тебя такая рожа. Как у человека, который собирается сделать подарок.

Аксён подивился Чугуновой проницательности. Хотя в задумчивости он мог и проговориться. Тюлька ускакал вперед и носился теперь с воплями по лесу, вспугивая каких-то сереньких птичек, сам был на птичку похож, пальто крыльями махало.

– Подари ей серебряную открытку, – повторил Чугун. – Девять на двенадцать.

– Что?

– Серебряную открытку. Я в Костроме видел, ну и здесь в городе наверняка продается. Такая тонкая пластинка, чуть толще фольги, и к ней прилагается стальное перо. Можно прямо по серебру писать. Напишешь ей что-нибудь. Это очень красиво. Положишь в толстый конверт и подаришь.

Аксён промолчал. Серебряная открытка. Красиво, конечно. А если она узнает, откуда деньги на подарок? Как она узнает? Чугун ей может рассказать... А, ерунда.

– Тюлька!!! – крикнул Чугун. – Хватит по лесу носиться, уже пришли почти!

– Я чуть соловья не поймал! – откликнулся Тюлька.

– Сейчас по шее поймаешь! – пообещал Чугун. – А ну живо сюда!

Тюлька оставил птичек и побрел к братьям.

Когда-то давно, двадцать лет назад, Монако было обычным мирным разъездом, и имя было ему Монаково. Никакой промышленности в Монаково не завелось, а население насчитывало тридцать пять человек. Двадцать лет назад впервые от Монаково отбили «во». Впоследствии это «во» неоднократно возвращали на место, однако каждый раз неизвестные низвергали его на перрон. В конце концов, от попыток реставрации отказались, и Монаково стало Монако. Местным жителям, которых с каждым годом становилось все меньше и меньше, благородное название полюбилось, и они использовали его как бренд. Немногочисленным иностранцам, которые переживали встречный для проезда через мост, нравилось бродить по дикому перрону Монако, они охотно фотографировались на фоне вывески и покупали футболки с картой Костромской области, где Монако выделялось в отдельную территориально-административную единицу.

Княжество.

Побирушкам в Монако было раздолье, за полгода работы многие талантливые граждане с разезда и окрестностей успевали скопить на мотоцикл, а то и на небольшой домик в городе. Чугун и его братья на мотоцикл скопить никак не могли, поскольку испытывали затруднения с построением длительных финансовых планов.

– Короче, действуем, как всегда, – Чугун пустился руководить. – Тюлька, сюда иди, чтобы достать тебя мог!

Тюлька приблизился. Чугун оглядел его критически. Тюлька выглядел изнуренно. Тощие уши, острый нос, мешки под глазами.

– Можно и так выпускать, – задумчиво покачал головой Чугун, – но лучше – по-другому. Усилить эффект. Пальто снимай, кабыздох.

– Зачем?

– Зачем-зачем, народ нынче злой, ему подавай натуру.

– Я замерзну... – Тюлька попытался застегнуться на нижнюю пуговицу, но Чугун хлопнул его по рукам.

– Замерзнешь, – подтвердил он. – А если ты замерзнешь, ты посинеешь и вызовешь жалость. И бабки потекут.

– А я что, простужайся? – пронюнил Тюлька.

– Не бойсь, я тебя потом водкой разотру... Слушай, Тюлька, ты такой жилистый, что тебя ни одна простуда не возьмет, вон какой розовый! Давай, скидывай макинтош, заразный!

– Я не заразный! – огрызнулся Тюлька.

– Он на самом деле замерзнет, – возразил Аксён. – Воспаление легких подхватит запросто...

– Да ничего он не подхватит, – отмахнулся Чугун. – Я же говорю – водкой его разотрем. И внутрь накапаем, он еще спасибо потом скажет.

Чугун подмигнул Тюльке.

– Не скажу! Не хочу я водки вашей!

– Все, забодали меня! – разозлился Чугун. – Не братья, а козлы какие-то. Раздевайся!

– Раньше и одетым нормально было... Раньше и так подавали... – бурчал Тюлька, стаскивая пальто.

Аксён поглядел на небо. Солнце. Такое легкое, весеннее. Может, Тюлька и не замерзнет. Всяко недолго ему мучиться, поезд стоит мало.

Тюлька бережно свернул пальто в узел, остался в футболке. На Новый год в городе проводилась акция «Дети с книгой», ну или еще что-то, «Читаем до одурения», короче, Аксён, точно не помнил. А на акцию попал случайно, мать послала тогда за пособием, сама не могла, а собес рядом с клубом. Смотрит, из клуба сопляки счастливые валят: у кого книжка, у кого футболка, у кого кепка. Ну, он решил, что гуманитарную помощь раздают, заглянул, а там еще лучше. Встреча с писателями. В фойе столы, за столами писатели, а рядом с писателями коробки. И они из этих коробок раздают. Аксён тут же пристроился в очередь, и ему раздали кепку и футболку, кепка потерялась, а футболка пригодилась, в ней Тюлька ходил. Белая, с синей надписью: «Я люблю читать».

– Футболку тоже снять придется, – указал пальцем Чугун. – Какой дурак тебе что даст, если ты любишь читать? Если ты любишь читать, значит, ты живешь еще не так поганно, значит, ты просто кидалово тут разводишь. Ты должен любить пожрать, понял?

– Ну да...

– Люди стали черствыми, – Чугун скинул с плеч рюкзак, – не хотят помогать ближнему, особенно тому, кто любит читать. Читать вообще вредно – от этого глаза портятся, потом шестеру от туза пикового не отличишь... Так что футболку снимешь потом, перед станцией.

Как там в школе говорили: стоит ли всеобщее счастье слезы одного ребенка... Или всеобщее несчастье...

– Мне что, опять глаза луком натирать? – угрюмо осведомился Тюлька.

– Не, луком сейчас никого не прошибешь, это я еще мог луком... А сейчас надо работать серьезно, с микроскопом...

Чугун вытряхнул из рюкзака вожжи. То, что это именно вожжи, Аксён понял по запаху. Вожжи благоухали конюшней, видимо, Чугун там их и спер.

– Что это? – с подозрением спросил Тюлька.

– Вожжи, – Чугун потряс вожжами, – полезная вещь...

– Зачем это?

– Лупить сейчас тебя будем, – объявил Аксён. – Чтобы шрамы остались. Шрамы народ любит.

– Не хочу шрамы...

– Заткнись, Аксён, – шикнул Чугун, – какие шрамы, не верь ему. Это для носилок...

– Зачем носилки? – Тюлька сделал шаг назад.

– Я же говорю, Тюлька, – теперь подмигнул уже Аксён. – Отлупим тебя – и на носилки, в травмпункт...

– Никто никого лупить не будет! – рявкнул Чугун. – Все будет тихо! Рассказываю, и никому меня, блин, не перебивать!

Чугун потряс вожжами.

– Сейчас сделаем носилки, пойдем на вокзал. Тюлька ляжет на носилки и будет смотреть.

Вот так.

Чугун продемонстрировал, как следует смотреть. Аксёну не очень понравилось, выражение лица у Чугуна сложилось наглое и одновременно заискивающее, он такому и копейки не дал бы.

– Ну, ты сам умеешь смотреть, – Чугун сменил заискивающее лицо на просто наглое. – Будешь валяться на носилках и молчать, ничего говорить не надо. Ясно?

Тюлька кивнул.

– Ладно, Тюлькан, ты пока в образ входи, а мы с Акселем поработаем. Ты представляешь, как делать носилки?

В носилках Аксён разбирался поверхностно, впрочем, этого оказалось достаточно. Чугун вырубил две жердины, Аксён переплел их вожжами. Получилось одноразово, но в вечность Чугун и не метил.

– Сойдет, – сказал он. – В конце концов, таскать мы его не собираемся. А на проезжающих лохов подействует. Ну что, ильи муромцы, поторопимся, а то время поджидает, давай, Тюлька, поторапливайся.

Они ускорились.

Остаток пути проделали весело. Сначала Чугун дразнил Тюльку карликом и обещал, что он никогда не вырастет, а так навсегда и останется дохлягой, это на Тюльку не очень уже действовало, поскольку он приобрел иммунитет к подобным заурядным дразнилкам.

Тогда Чугун проявил оригинальность и принялся дразнить младшего по-другому – он называл его Тюлькас Писькаас и рассказывал, как Тюлькас Писькаас познакомился с Койкой Пополяйнен и они решили пожениться. От таких изощрений Тюлька привелся в бешенство и стал обзывать самыми страшными словами, какие знал, в том числе и совсем уж неприличными.

Аксён слушал вполуху. Он давно уже заметил, что научился слушать одной стороной головы, обычно левой, другой думал о чем-то отвлеченном, ну, вот сейчас, к примеру, он думал о рельсах. Все рельсы ведь свинчены друг с другом, а где-то даже и сварены, а тянутся они из самого запада Европы до Владивостока, до Китая, а то и до Индии. И на самом деле это совсем

не отдельные рельсы, а одна гигантская рельса, дотронувшись до нее в любом месте, можно дотронуться до рельсы в Бомбее.

– Тюлькас Писькаас кюшаал шпрооты в Тааллине. И тут приходит к нему Койка Попояйнен и говорит: «Тюлькас, поедем рыпаачить...»

Тюлька срывал сухие и от этого еще более злые колючки и швырял в Чугуна. Только мимо. Аксёну казалось, что про Тюлькаса Писькааса и его подружку Койку он читал где-то, наверное, в «Линейном Обходчике», на полосе «Шутка Юмора», впрочем, может, и нет.

Братья ругались, если бы Тюлька был постарше, они бы наверняка разодрались.

Успокоился Чугун только перед самой железной дорогой, под насыпью. Когда-то здесь лежала лестница, почти шестьсот ступеней, теперь она сгнила, и люди поднимались рядом, протоптали канаву. По канаве идти было неудобно, вокруг рос чертополох, зима выдалась холодная, колючки закалились, пришлось по канаве.

– Эту насыпь китайцы делали, – сказал Аксён. – Еще в начале прошлого века. Или в конце позапрошлого... Они тогда везде строили. Тут было их поселение, прямо под насыпью, а потом началась сибирская язва, и поселение оцепили. Но китайцы все равно умудрялись пробираться. Тогда полиция ночью заминировала насыпь и взорвала, и вся насыпь осела на китайцев. Так они тут и остались, шестьсот человек.

– Вот это да! – Тюлька с удивлением поглядел себе под ноги. – Откуда ты это все знаешь?

Аксён точно не знал, откуда эта история всплыла, то ли он сам ее когда-то придумал, то ли прочитал в каком-то журнале, а может, это ему даже приснилось.

– В школе рассказывали, – ответил он.

– Ты ходил в школу? – ехидно осведомился Чугун. – Смотри-ка, да ты у нас профессор! Альберт Эйзенштейн!

Тюлька захихикал.

– Ладно, бэрриморы, хватит чушь молоть, – сказал Чугун. – Двигаем к вершинам, скоро поезд будет.

Они поднимались на насыпь, Чугун первым, с носилками под мышкой, за ним Тюлька, Аксён последним. Тюлька все время оскальзывался, Чугун для достоверности велел надеть ему вместо кроссовок галоши, галоши скользили, и Аксён то и дело его ловил и подталкивал вверх, к железке. На полпути справа рывкнуло, и почти сразу над головой загремело синее. Они остановились и стали смотреть.

Поезда всегда так, есть в них что-то такое, гипнотизирующее. Машины. А вообще все похоже на игру, подумал Аксён. В том смысле – висит кто-то наверху, в небе, смотрит вниз, кидает кубики. Кинул – выпала пятера, и вот ты уже идешь сначала по лесу, слушаешь всякий бред, потом тройка – и лезешь в гору и сам рассказываешь бред про чумных китайцев, а потом опять три, но уже другая, – и Чугун начинает рассказывать еще больший бред про каких-то Койколяйненых, а ты все идешь и идешь и не можешь остановиться. Хочешь, мечтаешь, из всей души рвешься, но нет, Тюлькас, пойдем есть копченого угря...

Почему-то.

– Рос-сия, Росси-я, Ро-сси-я, Россия... – выкрикивал Тюлька, указывая пальцем в каждый вагон, в красивые, в красно-белых завитушках таблички. Поезд неся мимо, лязгал на стыках, плевался мелким щебнем, пролетел и растворился, по склону скатилась пустая пивная бутылка.

– «Москва – Владивосток», фирменный, – плюнул Чугун. – Он здесь не останавливается, даже в городе не останавливается. В газете писали, что в нем какие-то сортиры особенные...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.